

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Замуж за Черного Властелина,
или Мужики везде одинаковы

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Привет! Я – Илона, обыкновенная студентка. Любимые занятия – фехтование, спортивная борьба, танцы и разгон нежелательных женихов. Их я частенько гоняю, прибегая к помощи троих братьев. Но что я все о себе да о себе? Давайте перейдем непосредственно к приключившейся со мной истории. Вам когда-нибудь снились вещие сны? А с богами вы ругались? А принцесс спасали? Нет? Ну тогда вам повезло гораздо больше, чем мне. Хотя нет. Мне все же повезло больше! Почему? Потому что призом выступал сам Черный Властелин. Правда, этот приз мне достался с превеликим трудом. Пришлось побегать сначала от него, потом за ним... Впрочем, это долгая история. Читайте и улыбайтесь!

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Замуж за Черного Властелина, или Мужики везде одинаковы

Женщина – слабое, беззащитное существо, от которого невозможно спастись!

И мужчины и женщины ошибаются относительно друг друга, когда мужчины думают, что все женщины разные, а женщины, что все мужчины одинаковые...

Автор неизвестен

– Хай! Бонжур! Эй, амиго, ты меня слышишь! – завопил мобильный телефон, отвлекая меня от учебника.

Я глянула на экран и улыбнулась. Звонила Светка – однокурсница и бессменная активистка по организации вечеринок. Трубку брать не хотелось. Знаю я ее, сейчас начнет допытываться, пойду ли завтра к Ирке, у которой намечается тусовка. И если пойду, то будет ли меня сопровождать Денис, по которому половина девчонок сохла, а вторая половина упорно клеилась. И что они только находят в этом двухметровом неулыбчивом парне? Подумаешь, шикарная блондинистая шевелюра и темно-синие глаза. Можно подумать, это его заслуга! Наследственность, и ничего больше. Такой же в точности цвет глаз у нашей мамы.

Забыла сказать, что он мой брат? Извиняюсь. Брат. Старший. В свои двадцать семь лет еще не женат и с девушками встречается постольку-поскольку: все ищет свою единственную и неповторимую любовь с первого взгляда. Психолог по образованию, имеет свой бизнес и не имеет чувства юмора. Совсем. А вообще-то я его очень люблю и уважаю за настойчивость в достижении поставленных целей. Если он что-то решит, то стоять на своем будет до последнего и решения не изменит, даже если небо по маковке тюкнет. Самый спокойный и выдержанный из всей нашей шепутной семейки.

– Хай! Бонжур! Эй, амиго, ты меня слышишь! – снова заверещал телефон, показывая Светкин номер. Очень упорная девушка. Придется с ней пообщаться, а то с нее станется и сюда припереться. Будет потом по дому в мини-сарафанчике шастать и братьям глазки строить. «Королева «Шантеклера», блин!

– Бонжур, амиго! – соизволила я ответить на звонок и услышала в трубке грудной голос Светланы.

Она высказалась с придыханием:

– Илона, когда ты прекратишь разговаривать на своем диком сленге? Имея тако-о-го брата...

Все! Началось! Теперь она битый час станет втирать, какой у меня великолепный и сногшибательный брат и как ему не повезло с сестрой. Да, я не красавица! Тошная, угловатая, с каштановыми, коротко стриженными волосами. И я ненавижу свои волосы, которые при малейшей влажности сворачиваются кудряшками. Бе-э-э! Овца на пастбище! И где уж моим серым глазам до синих очей Дениса!

– ...Так ты пойдешь? – донеслась до меня последняя часть фразы.

– Не-а, – издевательски сообщила я навязчивой Светке и зевнула.

– Почему? Опять Серегу продинамить решила? – не на шутку возмутилась сокурсница. – Острожникова, ну вот чего тебе не хватает? Симпатичный парень. Не жадный. Состоятельные родители. И ты ему нравишься!

– А он мне – нет! – отрезала я. – Видала я твоего Серегу вот где! – Большой палец слева направо демонстративно прочертил горло. – Тошнотик и зануда!

Из трубки послышался вздох, наполненный вселенской печалью и наигранной заботой.

– Ты доиграешься, Острожникова! Ладно, Серега тебе не ко двору... а зачем Валерку заставила с парашютом прыгать? Бедный парень потом два дня в себя прийти не мог!

– Зато узнал, из какого места выделяется адреналин! И вообще, мое от меня не убежит, –

высказала я надежду на светлое будущее.

– Экстремалка чокнутая! – обозвала меня Светка. Знала бы, какой музыкой для моих ушей это звучало. Не получится из нашего Светика злой стервы. Не умеет бить по больным местам, потому как банально их не видит. Сказала бы: «Ты вся из себя такая гламурная», – вот, ей-богу, на порог бы не пустила!

Позевывая, я спросила нашу студенческую мегаворожею:

– Свет, а собаки к чему снятся?

– Ну-у-у, – напустила на себя важность та, оседлав любимого конька, – вообще-то собака – это друг. Значит, к дружбе. А глаза у нее какие были?

– Какие... – начала припоминать я. – Большие и жуткие.

– Да нет, цвет глаз какой, – пояснила Светка.

Я задумалась. Сон был смутный и незапоминающийся, он снился мне с завидной регулярностью каждую ночь вот уже в течение недели. Как только закрываю глаза, сразу попадаю в эпоху Средневековья и принимаю участие в штурме замка. Даже во сне чувствую дым пожарищ и слышу крики людей. Отчетливо помню лишь громадного черного пса, следующего за мной по пятам и пристально рассматривающего жуткими светящимися глазами. Сказка «Огниво» в современной интерпретации. Мрак! Прожигающий цепкий взгляд преследует ночью и днем. А еще говорят, собаки к дружбе снятся. Врут.

– Кажется, зеленые, – выкопала я из своей памяти. – Но не уверена.

– Если зеленые, то, наверно, тебя преследует колдун. Берегись колдовства, носи крестик не снимая, – с уверенностью в своей правоте произнесла Светка. И вернулась к волнующему ее вопросу:

– Ну так придешь?

– Нет, у меня тренировка. – Я бросила трубку и протерла глаза.

Все же спать хотелось зверски. Совершенно не высыпаюсь в последнее время.

Попытавшись сосредоточиться на учебнике, поняла, что вздремнуть хочется все сильнее, поэтому рассталась с мыслью о зубрежке. Лениво собрала сумку и потопала на тренировку по фехтованию.

Уже подходя к спортивному комплексу, я увидела Сергея. Он сидел в кафе недалеко от входа и дул пиво из высокого запотевшего бокала в компании дружков. Скривившись, я сделала вид, что не заметила его через стекло, и быстрым шагом устремилась в холл, надеясь прошмыгнуть мимо.

Маневр не удался.

– Илона!

Вот почему прилично воспитанные девушки из добропорядочной семьи не могут откровенно послать нецензурными словами молодых людей, не понимающих слова «нет»?

– Привет, – кисло поздоровалась я, но траекторию не изменила. Мой хитроумный замысел, к сожалению, успехом не увенчался, и меня перехватили, зажав в угол.

– Подожди! Нам нужно поговорить. Почему ты меня избегаешь?

У-у-у, всегда одно и то же. Сначала вобьют себе в голову невесть что, а потом права качают. Тоска смертная.

– О чем ты хочешь поговорить? – спросила я, всем своим видом сигнализируя о полном нежелании выяснять личные отношения.

– Я хочу понять, почему ты от меня бегаешь? – выпалил первый красавец курса, выпятив хилые грудные мышцы.

– Хочу и бегать! Зачем?..

– Что?.. – не понял он.

– Зачем тебе это нужно знать?

– Затем, что я хочу с тобой встречаться, – покровительственно сообщил мне блондинистый мачо.

– Серьезно? – неискренне удивилась я, потихоньку выворачиваясь из его тесных объятий. – Хозяин-барин. – Поинтересовалась: – Условия знаешь?

– Какие условия? – вытаращил он на меня круглые голубые глаза.

Я пожалала плечами и вытащила мобилку. Потыкав в кнопки и услышав ответ, радостно завопила:

– Хай, командос! Дело есть! Говорить можешь?

– Валяй, – милостиво позволил средний брат. Брата звали Егор, он бывший десантник, а по призванию – дамский угодник. Из-за него в нашем дворе не протолкнуться от девчонок, павших жертвами его обаяния и рефлексов защитника.

– Егор, запиши нас на прыжок, тут время нужно забронировать на летном поле... – начала я. Но была бесцеремонно перебита:

– К тебе опять кто-то привязался?

– Ага.

– Дай ему трубочку. Чего только не сделаешь ради любимой сестренки! – мягко посетовал брат и грозно зарычал, настраиваясь: – Слышь, парень! У моей сестры два условия. Первое – групповой прыжок с парашютом. Второе мы с глазу на глаз по-мужски обсудим после первого. Исполняешь и можешь с ней тусить. Нет – свободен.

Я передала трубку Сергею и приготовилась ждать окончания мужской беседы. Если Егор дословно повторит то, что сказал предыдущему, то я Сергею не завидую. Его ждут красочные описания воздушных ям, экстремальных прыжков и чернушные истории о сапогах и нераскрывшихся парашютах. Наблюдая за несколько побледневшим претендентом, я поняла всю обоснованность своих догадок. Поэтому ни капли не удивилась, когда он передал мой телефон обратно и мгновенно исчез, не прощаясь:

– Мне пора, тороплюсь. Потом как-нибудь увидимся.

Проводив его задумчивым взглядом, я поднесла телефон к уху и услышала:

– Илонка, это уже который по счету? Пятый?

– Восьмой, – покаялась я. – Трое сразу отказались.

– Экстремалка! – заржал брат и отключился.

В который раз за день я пожалала плечами и отправилась на тренировку, размышляя о превратностях судьбы. После того как мой второй ухажер пообщался с моим семейством... И очень неудачно пообщался... В общем, Олег надеялся попасть в кармане у Дениса и крайне прозрачно намекнул на мою непривлекательность и его, Олега, крайнюю заинтересованность в некоторой умеренной сумме с тремя нулями. Этот наглец даже надеялся, что будущего зятка мои родственники и от общественного армейского долга по знакомству освободить пособят...

Естественно, моя семья отреагировала на подобный выпад весьма негативно, и горе-жениху досталось от братцев по заливке. Так вот, после этого он пустил мерзкий слухок: мой папа отмажет от армии любого, кто обратит внимание на его неприглядную доченьку. Теперь понятно, почему я стала излишне популярна и почему так жестоко обходилась с претендентами?

Я стояла у окна, смотрела на пылающий город и готовилась мужественно принять неизбежное. Все кончено. Пал последний оплот нашей защиты – дворцовая цитадель. Три дня войны стояли насмерть. Три дня лилась кровь и полыхало зарево пожаров.

Мы проиграли.

Дворец опустел. Разбежались испуганные слуги, убиты доблестные защитники замка и мои близкие... При мысли о семье из груди рвалось глухое рыдание. Вопреки лживым предсказаниям и благоприятным прогнозам астрологов, королевская фамилия Лайе перестанет существовать. Вслед за мною вся страна станет на колени перед зловещим Черным Властелином.

Сухой горячий ветер осушал мои жгучие слезы.

Одинокая принцесса, любимица народа, «златокудрая дева Лайе» осталась военной добычей в руках грозного победителя.

«Что теперь со мной будет? Какова моя дальнейшая судьба?». – В безумном страхе я ждала прихода жестокого завоевателя. Хлопнула дверь. Вошел Он. Кондрад, бесчеловечный палач моих близких, мой тюремщик и будущий господин. С чего Черному Властелину церемониться с пленницей, соблюдая этикет? Отбросив со лба выющиеся черные волосы, Кондрад мрачно сообщил мой приговор:

– Вытереть слезы! Помыться! Привести себя в надлежащий вид и надеть самое лучшее платье! Завтра по своей воле или против нее, ты принесешь мне клятву послушания и верности. Антураж на твое усмотрение – в парче и бриллиантовом гарнитуре или с рабским ошейником на шее. Ты поняла? У тебя нет выбора, принцесса. Я давно решил: в моем наследнике будет течь твоя кровь, а смуты и заговоры мне не нужны. Какое решение ты примешь?

Я остолбенела: «Мне ли, гордой дочери королей, носить рабское ярмо? Но и покориться убийце отца и матери, дорогих моему сердцу людей, тому, кто поставил мою родину на колени, невозможно. Что я могу? Ничего. Только рыдать и от горького бессилия в отчаянии биться головой о стекло. Кого может попросить о спасении хрупкая, слабая девушка? Только богов. Но услышат ли они мой слабый голос?» С этими тоскливыми мыслями я присела в реверансе, обращаясь с просьбой:

– Перед тем как я приму решение, будет ли мне дозволено провести ночь в молитвах?

Я наблюдала за Кондрадом из-под опущенных ресниц. Он бросил на меня надменный взгляд, подумал и кивнул:

– Ничего не имею против. Благочестие украшает девицу знатного рода. Но утром жду окончательный ответ, принцесса.

После ухода Властелина пришли стражи и сопроводили меня в дворцовую церковь. Оставшись одна, я зажгла свечи, встала на колени перед статуей Форсета, бога Справедливости и Защиты, и взмолилась:

– Молю тебя, бог мой, тысячелетний покровитель семьи королей Лайе, смилуйся! Помоги мне и даруй защиту твою! Молю, подскажи, как мне быть? Черный Властелин требует от меня, смиренной рабы твоей, невозможного. Хочет омрачить мою свадьбу кровью родителей. Подскажи, милостивый, как избежать столь ужасной участи? Прошу, дай спасение или даруй милосердную смерть. Будет ли воля твоя ответить мне?

И бог-покровитель отозвался:

– Дочь моя, я не в силах пойти против воли других богов, поддерживающих Кондрада, Черного Властелина, но попробую помочь. Не пугайся, в твоём теле поселится на некоторое время ещё одна душа. Она окажет тебе помощь и содействие в нашем деле. Ты согласна?

Я не того хотела, не о том молила. Мне казалось: велика сила и власть богов. Способны они одним мановением руки создать город и разрушить мир. Но не дано мне, ничтожной, спорить с богом. Потому смиренно ответила:

– Я приму любую помощь и буду благодарна за твою милость, бог мой.

– Да будет так!

У меня закружилась голова, и я лишилась чувств.

Я возвращалась с тренировки, когда ко мне подвалил этот маньяк. «И что только его во мне привлекло?» – заинтересовалась я. Моя внешность в глаза не бросается. Ничем особо выдающимся и запоминающимся меня родители не одарили, если не считать характера, выработанного и закаленного семейными обстоятельствами, к коим можно причислить моих трех старших братиков. И маньяка я не испугалась именно по этой причине. Трудновато кого-то бояться, имея братьев, с детства проверяющих меня на выживаемость, таская за собой. К тому же, занимаясь различными видами спорта, они горели энтузиазмом... опробовать результаты на мне. Естественно, я активно сопротивлялась, в итоге записавшись во все эти же секции и научившись давать отпор. Кстати, я до сих пор туда хожу, хотя мои старшенькие давно забросили.

«А что? Мне по приколу. Где еще найдешь восемнадцатилетнюю девушку, владеющую приемами рукопашного боя, сражающуюся на шпагах и лазающую по горам? Ну и танцы, но это уже для души». – Я оторвалась от своих рассуждений и вернулась к действительности.

Так вот, подваливший ко мне плюгавенький, лысенький извращенец начал петь песню о моем божественном предназначении. Я сразу поняла: он из тех ненормальных, что за тобой с брошюрками гоняются и о конце света завывают. Незамедлительно сообщив шизанутому фанатику о своем атеизме, я попробовала держаться на почтительном расстоянии. Так ведь нет, прилип, как банный лист ко вторым девяносто, и хоть убейся! Достал, слов нет! Прыгал вокруг, слюной брызгал, инфекция ходячая, а в лоб дать неловко, все ж божий человек, и терпение мне ручкой сделало, типа покеда, потом встретимся. Во время подбора мной оптимального варианта этот отщепенец рода людского что-то прошепелявил себе под нос, и я провалилась в темноту. И вот тут начались чудеса...

Оказавшись непонятно где, я огляделась вокруг. Жуть! Все такое чистенькое, беленькое, как палата в частной клинике. Облачка кругом плавают. Мозги начал сильно мучить один вопрос: «Откуда у меня глюки?» Я наркоту и грибочки всегда краем обходила. Кто ж мне из братишек такое счастье подсуропил? Денька точно отпадает. У него с чувством юмора совсем никак. Он даже КВН как новости смотрит и, что поразительно, всему верит. Егор? Этот балбес может, но не будет: ленивый до жути. Методом исключения остается Тарас... Ох, и получит он от меня! Он в нашей семье самый смешливый и языкастый. Хочешь услышать весь набор известных и неизвестных шуточек? Милости просим к нему. До такой степени привыкаешь к его манере речи, что сама начинаешь повторять, не задумываясь. Впрочем, это у нас семейное. Например, у наших родителей своеобразное чувство юмора. Про акростихи слышали? Что-то типа этого:

Д – Денис;

Е – Егор;

Т – Тарас;

И – Илона.

ДЕТИ – это мы. Главное, удобно. Одно слово рявкнул, и все четверо прибежали...

Илона и Форсет

Погрузившись в себя, я чуть не проворонила явление престарелого вредителя, восседающего на стульчике с резной спинкой. «Ага, иностранец с табуреткой. Картина маслом: вы нас не ждали, а мы приперлись», – проснулась ехидная сторона натуры. В общем, я стою, он сидит, и мы друг друга рассматриваем. И уж совсем было собралась психануть на тему: «На каком основании по моим глюкам шастают лыдые, толстые, бородатые дядечки неопределенного возраста, мелкого роста, поросычьеи наружности и с мерзопакостным характером?» Но тут меня «осчастливили» сообщением:

– Дочь моя, ты избрана, чтоб оградить страну Лайе от Черного Властелина. Это твое предназначение и великая честь...

У меня возникли вопросы уже с первых слов высокопарной речи пенсионера. Все происходящее выглядело настолько нереально, что, отодвинув в сторону вежливость, я влезла с вопросами:

– Дедуль, объясни мне: каким местом ты к моему отцовству примазываешься? Какую еще страну Лайе? Что за жук этот Властелин, и какого рожна он черный? Надеюсь, это не из-за цвета кожи? И почему ты решил, что я, покорно кивнув головой, галопом поскачу исполнять «мое предназначение» во имя обретения «великой чести»? У меня на лице вывеска с надписью: «Дебилка. Исполняю любые идиотские просьбы»?

Дедок сердито засопел, надулся и выдал:

– Я – Форсет, бог Справедливости и Защиты, являюсь покровителем принцессы страны Лайе Иалоны, обратившейся ко мне за помощью. И для столь почетной миссии выбрал тебя...

– Стоп! Что значит – выбрал? Выиграл в лотерею? Каким образом? Я анкет на конкурс экстремального отдыха не заполняла, на совершения подвигов заявок тоже не подавала.

«Глюк» почесал нос и доверительно добил:

– По параметрам всем подходишь... Все одно, больше никого нету.

Я слегка умилилась от его обширного лексикона: вон какое умное слово знает – «параметры». Но кое-что настораживало:

– Да ты что? Выходит, я избранная. Клево! А самому – слабо? Ну, ты же бог...

О-о-о, как боги, оказывается, умеют раздуваться от важности. По мне, так жутко напоминает воздушный шарик. Что он там пытается донести в массы?

– Это не моя прерогатива спасать всех ко мне обратившихся...

Сочувственно покивав головой, дескать, достали бедное божество мелкие людишки своими просьбами, резюмировала:

– Ни фига ты не можешь, как только спихнуть со своей больной головы на мою здоровую задницу, да еще и безвозмездно. Ответь мне, «небесный очковтиратель»... А что мне будет за оказанное содействие?!

Форсет напыжился и возвестил:

– Слава и почет...

Питая отвращение к любому пафосу, я немедленно дополнила фразу:

– ...Посмертно! Сильно, знаете ли, напоминает Твардовского. Что-то типа...

Нет, ребята, я не гордый.

Не загадывая вдаль,

Так скажу: зачем мне орден?

Я согласен на медаль, —

торжественно продекламировала я. И следом продолжила свою мысль: — Не-э... «благочестивый пенкосниматель»! Так дело не пойдет! На кой ляд мне почет и слава? В материальном эквиваленте это как выражается?

«Ух ты! Анимэшно как его пришибло — глазенки девять на двенадцать! Как бы этот метод запатентовать? Глядишь, новое направление в косметической хирургии — безоперационное увеличение разреза глаз». — Обдумывание коммерческих планов прервалось возмущенным воплем пенсионера:

— Да как ты смеешь с богом торговаться!

— А вот орать на меня не надо. Криков с детства не выношу, звереть начинаю. Ты на халяву решил в рай въехать? Ага! Как же, прекрасно помню: «Халява! Сколько в слове этом для сердца русского слилось!» Фиг тебе! — незамедлительно парировала я и сунула богу под нос упомянутую фигу.

Оглядев фигуру из трех пальцев, дедуля решил пойти на попятный:

— Да пойми же ты, все равно придется помогать, иначе домой не попадешь. Таково условие перемещения.

— Второе, что я не перевариваю после крика, — это шантаж. В ответ сообщаю: да и ладно, здесь потусуюсь, светло, тепло, мух не видно.

В голове зародилась идея, и я поинтересовалась:

— Слышь, Форсет, ты песни любишь? — Не дождавшись ответа, уселась на пол и, по-турецки скрестив ноги, затянула песню.

Слух у меня в наличии, а с голосом проблема. Мне когда у родни что-то получить необходимо, я запеваю, и через пять минут на все соглашаются, лишь бы замолкла.

Я специально выбрала самую нудную из наработанного репертуара и, завывая от души, ждала реакции:

Ой-е-ей, я несчастная девчоночка,

Ой-е-ей, замуж вышла без любви,

Ой-е-ей, завела себе миленочка,

Ой-е-ей, честный муж, ты не гневись^[1].

Божок не выдержал и двух минут, сломался на жалобном пассаже «хощь режь меня» и с мукой в голосе завопил:

— Замолчи! Что ты хочешь?

Достигнув желаемого, я заткнулась и мысленно довольно потеряла ладошки. Выдержав паузу, как бы нехотя снизошла:

– Ну, другой разговор, можно договариваться. А что есть?

И тут случился апофеоз всему... Мне продемонстрировали разведенные в стороны ручонки и виновато вылупились:

– Ничего.

Хоть я и понимала нереальность происходящего, но обиделась до жути. Я бы еще подумала, если б Родину там спасти или кого из своих – это святое, не обсуждается. Но какую-то тетку, да за просто так, типа «спасибо тебе, родная, покойся с миром!». Угу. «Летят самолеты – привет Мальчищу! Идут пионеры – салют Мальчищу! Идут наркоманы – ништяк Мальчищу...» Кстати, а кто у нас противник? Посверлив старика взглядом, я проявила заинтересованность:

– Эй, халявщик, поведай мне о Черном Властелине. Должна же я знать, за что страдаю.

Божество вздохнуло, поерзало и начало:

– Кондрад, Черный Властелин. Любимец богов. Непобедим. Характер скверный. Не женат. И не был.

Похлопав ресницами в ответ на столь исчерпывающую характеристику, я заржала:

– «Остров сокровищ». «Джимми Гокинс – очень, очень хороший мальчик. Вежлив, правдив, скромн, добр. Слушает маму. На ночь пьет молоко. Каждое утро делает зарядку. Характер очень мягкий...»^[2] – С трудом остановившись, я все же смогла задать вопрос:

– И в чем проблема?

– Как раз в том, что он хочет жениться на принцессе Иалоне, а она стремится избежать этого брака.

– Понятно, по всей вероятности, трухлявого старикашку потянуло на молоденькую. В силу женской солидарности помочь как бы надо... А как, если там армия, а я одна? – Пристально уставившись на любителя улаживать дела чужими руками, начала выяснять и конкретизировать обстановку: – Допустим, я согласилась. Как ты себе это представляешь? Как мне сражаться с целой армией? С криком «кия!» швырять всех направо и налево? И они полягут в корчах от смеха?

Небожитель задумался ненадолго над моими словами, почесывая затылок, и успокоил:

– Не, с армией не надо воевать. Принцессу необходимо спасти от Кондрада... и все.

– Хорошенькое – «и все»!.. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... Логика хромает на обе левые. Ты отмороженный? Мне ее от мужика грудью закрывать? Или лично под него лечь?

– Ась? Нет... Ты в ее тело переселишься и советовать будешь.

– Час от часу не легче. Я там насоветую... Стоп! Дед, а дамочка совсем беспомощная? Она хоть что-то умеет?

Бог недоуменно выпялился на меня, усиленно соображая, а потом выдал информацию:

– Все, что положено уметь воспитанной принцессе: петь, вышивать, танцевать, украшать своим присутствием балы и приемы, соблюдая этикет...

– Трындец! Приличных слов нет, осталась лишь исключительно ненормативная лексика, – проинформировала я собеседника и живо нарисовала себе картину, как я пою, приплясывая и вышивая крестиком, соблюдая при всем при этом этикет, и украшаю присутствием... – У Кондрада точняк инфаркт будет от такого зрелища. Тоже выход... уконтрапупить старичка-сластолюбца на месте. Надо бы уточнить: смерть противника как

вариант рассматривается?

Что такого я спросила, если мой «наниматель» чуть сам не окочурился:

– Нет! Ни в коем случае! Мне войны с богами для полного счастья не хватало!

Как же тебе мало для счастья нужно. Может, посодействовать? «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» М-дя, возвращаясь к проблеме и отметая такой заманчивый вариант, пришлось указать на грядущие ошибки:

– Ты совсем с катушек съехал? Как я с таким набором помочь смогу?

Затянувшаяся пауза, прерываемая пыхтением, сопением и похрюкиванием... Очнулся:

– А если я тебе твои умения оставлю и силы подкину? Возьмешься?

С паршивого козла хоть что-то...

– А магию дашь?

И че мы так подозрительно скукожились?

– Там магии нет!

Чувствую, врет. Как есть врет и не краснеет.

– Что, абсолютно?

Ага, стыдно стало...

– Есть, но не у всех, исключительно редко встречаются люди, владеющие малой толикой волшебства. И у принцессы магии нет.

Какой-то мне мир неправильный подсовывают. Где чудеса, прекрасные эльфы? Война и разврат – бери, что нам негоже, и не вякай. Не на ту нарвался:

– Так то у принцессы, а я для себя, на крайний, так сказать, случай прошу.

Опять в раздумья ударился, тишина прерывалась лишь скрипом мозгов...

– Ладно, на крайний случай дам. Но только на крайний! Согласна?

Я пожалала плечами. Все одно глюки, что ж не согласиться.

– Согласна.

Снова темнота...

Илона и Иалона

Да что ж меня так плющит, второй раз отрубаясь! Ну, братишка, ну, Тарасик, дай мне только до тебя добраться. Я тебе и расскажу и покажу, какое осьминог несчастное животное. Прочувствуешь в полной мере, что значит иметь ноги от ушей, руки из мягкого места, и это самое место с ушами...

Наконец в глазах прояснилось. Бли-ин! Это где я? Весьма смахивает на церковь, странную, но церковь. Почему странную? Объясняю: иконы вперемешку со статуями, под ними жертвенники стоят, или что-то близкое к ним. Тряпочек разных вышитых везде повешено и целая куча позолоты. Подводя итог – роскошно, но аляповато и пошло.

Возник вопрос: какого лешего я тут делаю, да еще и на полу пыль собираю? Вдруг в мою прикумаренную голову пришла – нет, не так – просочилась «мысля», от которой я подскочила: «Так это был не глюк? Меня в самом деле куда-то перекинули в качестве моральной поддержки по противостоянию матримониальным планам «негроидного» старикашки. Убиться шваброй!»

В момент «озарения» я увидела свой бюст и окончательно уверилась в происходящем беспределе. У меня просто не могло быть такого «бохатства» размера этак пятого или шестого. Определить на глаз трудновато, поскольку мне с моим нулевым – и четвертый номер уже казался запредельным. Теперь понятно, на что потянуло престарелого сластолюбца.

Ладно, Илона, свое новое пристанище потом рассмотришь, лучше вспомни, о чем тебе этот «божественный краник» пел.

Ага, всего-то-навсего необходимо избежать брака, и тогда я вернусь домой, к нормальной жизни и любимой родне. Придется поднапрячься, ибо выхода другого нет. Что там еще было насчет подселения в другое тело? Хм, это я уже выяснила, «мечта пластического хирурга» явно принадлежит не мне. А где у нас тут сотельница затерялась? Попробовать поискать, что ли?

– Эй, где ты там, несчастная жертва Эроса? Отзовись. Ау-у-у!

Моментально раздался громкий визг:

– А-а-а-а! Кто здесь?

И за какие такие грехи мне это «счастье» подвалило? Я поморщилась.

– Че ты горланишь, припадочная? Оглушила. Помощи просила? Вот она я, твоя «скорая помощь». Ты только не вопи, говори про себя. Тебя как зовут?

В ответ послышались бурные восхваления богу и стишки, напоминающие молитвы. Вероятно, это они и были, но время – деньги, пришлось прервать:

– Слышишь, а давай ты позднее с богом пообщаешься? В настоящий момент хотелось бы план дальнейших действий составить и согласовать. Так как тебя все-таки зовут, средневековая феминистка?

Моя сотельница надолго задумалась над обозначением ее статуса, и я уж было собралась еще раз переспросить, как мне с обидой ответили:

– Я не фен... фум... Я принцесса Иалона, «златокудрая...».

Мне опять-таки потребовалось ее заткнуть. Все, что надо, я уже услышала:

– Помолчи, «златокудрая лахудра», свои титулы и прозвища перечислишь в свободное от замужества время. Мгновенья нужно проводить с пользой. Поведай-ка мне, с какой

радости ты в церкви ошиваешься и чего ждешь?

Душераздирающий вздох, предшествующий словам, прямо-таки чуть не выдавил у меня слезу.

– Молилась, прося о помощи. Скоро сюда придет Кондрад за ответом – соглашусь ли я на брак по доброй воле и дам клятву верности и послушания, или он все одно женится, но меня ждет статус рабыни.

Как у них тут все запущено! Средние века, что с них возьмешь. Ну, или почти Средние...

– Я чегой-то недопоняла: а кто тебе мешает поклясться и слинять по-тихому? Извини, сбежать?

Снова вздох, поднявший целое цунами в области бюста:

– После клятвы это невозможно. Клятва дается перед богами, и обойти ее нельзя. После произнесения слов тот, кто клянется, становится навеки верен тому, кому клянется.

Я задумалась и потребовала:

– Проясни: если ты клянешься, то слушаешься Кондрада, а если он тебе?

– Это нереально. Такой, как он, никогда и никому не даст клятву, кроме как богам.

Девиз Джеймса Бонда: «Никогда не говори никогда!»

– А если? – продолжила я настаивать.

– В этом случае он становится подвластным мне.

– Чудесненько, а если оба?

Похоже, девушка сызнава нырнула в астрал. Нет, смотри-ка, уже вернулась:

– Такого еще не было, оттого никто не ведает последствий подобного шага.

Вопросов у меня собралось «вагон и маленькая тележка», но за дверью послышались тяжелые уверенные шаги. Кого сюда нелегкая занесла? Никак женишок за ответом явился. Как не вовремя. Что делать-то? О!

– Иалона, в обморок падать умеешь? Гламурненько! Давай шлепайся без «чуйств», будем выигрывать время, а то сюда твой суженый топает в надежде на счастливую семейную жизнь.

Всхлип, и наше тело в отрубке. В смысле, тело и принцесса в обмороке, я в раздумьях. Плачевно, что ничего не видно, зато слышно хорошо. Шаги направились напрямик к моему лежбищу. Мужчина остановился и потоптался на месте. Раздался глубокий, бархатистый голос:

– Принцесса, очнитесь!

А вот фигу тебе, приказывать он мне, видите ли, вздумал! Буду валяться до упора. Должна заметить, по голосу не таким уж он стариком кажется. Я отвлеклась. Что происходит? Судя по звукам, вокруг меня пару раз обошли, потом присели на корточки, затем легонько по щеке похлопали.

Нет, ну каков мерзавец, на женщину конечность поднимать! Не требуйся мне время на обмозговывание сложившейся ситуации, оторвала бы грабалку и ей же его отшлепала. В праведном негодовании я пропустила момент поднятия моих телес на руки и последующей транспортировки. Ей-богу, уважаю, как спортсменка! Прет ведь такую тяжесть и ничуть не запыхался. Силен мужик. А куда нас перемещают? Мысленно пнула соседку:

– Принцесса, глаза не открывай, просто изреки, куда нас тащат?

– Скорей всего к нашему врачу и алхимику.

– Человек надежный? Верить можно?

Иалона принялась излучать мировую скорбь:

– Не думаю, Кондрада все боятся и не пойдут супротив ни в чем из опасения навлечь гнев. Так что защитников, кроме тебя, у меня нет.

Вот уж свезло так свезло... Тяжела ты, шапка Мономаха... Что ж мне с ним делать? Вопрос на миллион зеленых. Я его интеллектом побегу... нет, победу... короче, забью мозгами! Хотелось бы только разгадать – куда бить.

Меня терзали смутные сомнения на тему «быть или не быть». И каким способом бить. И что я могла противопоставить этому быку, несущему нас на руках уже добрых двадцать минут и ни разу не остановившемуся перевести дух. М-дя, «миссия невыполнима», называется. Так, «разговорчики в строю!» – любимое выражение моего папы. Преждевременно сваливаться в панику, будем действовать по обстоятельствам. В конце концов, даже если вас съели, у вас есть минимум два выхода, а меня еще даже не надкусили. Это что за грохот? А, это мы так в дверь вошли – с пинка. Эй, гамадрил феодальный, не мешок с картошкой тащишь, мог бы и поосторожней сгрузить!

Мой переносчик отдал приказ властным тоном:

– Привести принцессу в чувство и доложить!

В ответ что-то зашоркало, зашелестело, и раздался блеющий тенорок:

– Будьте уверены! Не извольте беспокоиться! Все исполню!

В ответ надменное:

– Я надеюсь!

Грохот закрывшейся двери. Надеется он, чтоб тебя пополам скрючило! Досаждала невозможность подсмотреть, оставалось только слушать какое-то загадочное звяканье и шелестение.

– Ох, как же я пропустил! Видно, придется на птичий двор бежать.

Вновь стук закрывшейся двери.

– Иалона, куда он поперся и зачем?

Флегматичное объяснение:

– У него птичье перо закончилось, пошел за новым.

У меня шарики схлестнулись с роликами:

– Зачем ему перо?

– Как зачем? Нас в чувство приводить. Подпалит и перед лицом поводит. От мерзкого запаха сама очнешься.

Одуреть! Ну и методы лечения у них! Любопытная у феодалов народная медицина, я давно где-то читала, что при болях в животе, например, заваривали заячий помет. Надеюсь, хоть до него дело не дойдет.

– И надолго он нас покинул?

Принцесса прикинула расстояние и выдала подсчеты:

– Минут сорок, если сразу птицу поймает.

Вот это классненько! Что у нас тут имеется?

– Спящая красавица, открывай гляделки, дело есть!

О-па, чисто ведьминский кабинет: баночки, скляночки, колбы, горшочки, реторты, тигельки. Помещение полностью завалено скрученными пергаментами, заставлено шкапами с ингредиентами, завешано пучками трав и тушками монстров. Хотелось бы верить, ненастоящих. Больно жуткие, аж оторопь берет.

– Принцесса, ты в этом хоть что-то соображаешь?

Так и увидела самодовольную ухмылку.

– Естественно, королевская дочь обязана научиться основам лечения на случай...

– Да плевать, на какой случай. Потом осчастливишь. Значит, так: я тыкаю пальцем, ты сообщаешь, для чего эта трава. Понятно?

– Понятно. А зачем?

– За фигом! Не зли меня!

И мы начали... В итоге на нашей необъятной груди за корсажем разместилось штук двадцать пузырьков. Какой-то серый порошок, не упакованный в стеклянную тару, находился в маленькой плошке, прикрытой фарфоровым блюдечком от сырости. Его мы насыпали в один-единственный карман платья. Нефункциональная у них одежда, куча тряпок вокруг тебя, а положить нужные вещи некуда, а то б мы еще чем-нибудь затарились. Харэ, вспомним о том, что жадность до добра не доводила, и успокоимся на достигнутом, извините – стыренном.

Раз, два, три, четыре, пять,

Знаете, наверно,

Раз, два, три, четыре, пять,

Жадность – это скверно^[3].

Не прошло и пары минут после нашего ускоренного возвращения обратно на кушетку, как вернулся лекарь. Добрый дядя произвел необходимые манипуляции и сунул под нос вонючее перо. Мама, роди меня обратно! Я отказываюсь от такой медицины и буду жаловаться в Гринпис, тут мучают женщин и птичек. Подскочив ошпаренной кошкой, я с угрозой устала на лекаря, оказавшегося скрюченным старичком с седыми волосами, чрезвычайно неопрятного вида – первоначальный цвет его балахона определить было невозможно.

– Ваше высочество, наконец-то вы очнулись! Слава богам! Нужно сообщить об этом его величеству!

Проблеяв сие изречение, он ломанулся к двери, подпрыгивая, как бодливый козел на привязи. Открыв деревянную створку, эта ошибка природы проверещала то же самое и вернулась к нам с Иалоной, радостно потирая ручки, кои мне немедленно завьюжило завязать бантиком на затылке.

– Ну-с, ваше высочество, как вы себя чувствуете?

Мрачно рассматривая лекаря, я перебирала в уме ответы, понятные для средневекового интеллекта, затем плюнула на неблагодарное занятие и высказалась:

– Как копченое мясо, подаваемое к столу.

В этот момент от двери раздался голос:

– Ну что ты, принцесса, я бы сравнил тебя с десертом...

И кто там у нас такой умный? Повернув голову, я узрела та-а-кого мужика... и впала в прострацию. Ожившая картинка из женского эротического журнала. Его б в наше время, побил бы все рейтинги по красоте и сексуальности. Высокий зеленоглазый брюнет с вьющейся гривой и впечатляющей мускулатурой. Успокоив зашкалившее либидо и с трудом

сообразив остатками растаявшего мозгового вещества, что это и есть наш жених, я отмерла и с превеликим удовольствием оповестила сотельницу:

– *Принцесса, ты дура! Такого мачо грех из рук выпускать. Зажрались вы тут, такими великолепными образчиками мужского сексапила брезговать. Хватала бы, что дают, и млела от восторга.*

В ответ раздался возмущенный мысленный вопль:

– *Ты за кого заступаешься? Эта скотина уничтожила мою семью и теперь протягивает свои похотливые руки к единственному, что у меня осталось, – моей чести! Тебя прислали помогать, а не под мужика стелиться!*

Против правды не попрешь, мне стало стыдно, и начала подниматься волна злости на несправедливость судьбы. Во время нашей мысленной перепалки я пропустила адресованный нам вопрос, задаваемый не в первый раз, судя по нахмуренным черным бровям жениха и сжавшемуся в испуге старичку.

– Твое решение, принцесса?

Я рывкнула с ожесточением:

– У меня на пустой желудок мозги не работают! Сначала обед, потом вопросы!

В зеленых глазах мелькнул интерес:

– Надо же, у тебя есть характер, принцесса. Это хорошо. Возможно, ты будешь не настолько скучна и предсказуема, как другие женщины.

Ах ты, грит тебя налево, нашел цирковую мартышку. Спешу и падаю, как мечтаю тебя, козла, повеселить!

Мне предложили руку, которую я сознательно проигнорировала, дав Иалоне указания отвести нас в столовую. Так мы и шлепали туда: я с гордо задранной головой, и Кондрад, идущий чуть позади и сверлящий мою спину взглядом.

Дворцовая столовая оказалась громадным помещением с монументальным столом посередине, мест приблизительно на тридцать, из коих была заполнена половина. Кондрад занял стул во главе, я нахально плюхнулась рядом. Тут же замельтешили слуги, разнося блюда с едой, глядя на которые мне тут же пришла в голову пакость:

– *Принцесса, мы слабительное взяли?*

– *Взяли.*

– *Где лежит, помнишь?*

– *Конечно, с правой стороны, третий пузырек. А что?*

Начав обмахиваться салфеткой, я выудила из-за корсажа искомое с надеждой, что ни она, ни я не ошиблись, и поинтересовалась:

– *Да так, ничего. Ты мышей боишься?*

– *Боюсь. А где мышь?*

– *Во-о-он там, в углу. Видишь?*

И тут она заорала во всю мощь наших легких. Мужики вскочили с мест, схватились за оружие в поисках врага. Пока они рыскали по залу во главе с Кондрадом, я налила в бокал последнему жидкость из склянки и успокоила соседку:

– *Не вопи. Мне показалось.*

Мы затихли. Все потихоньку вернулись на места, и трапеза продолжилась. Отпивая из бокала, претендент на нашу руку соизволил поинтересоваться:

– Что тебя так напугало?

Улыбнувшись во все тридцать два, я извинилась:

– Так, пустяки, мышь померещилась, – при этом пристально следя за бокалом.

– Ты насытилась? Я хочу услышать твой ответ!

Какой ты прыткий, я тоже много чего хочу и молчу! Отчего бы и тебе не заткнуться? Как бы еще время потянуть? Вспомнилась любимая отмазка старшего брата, когда он не желал спорить с собеседником: «С точки зрения банальной эрудиции, теория детерминизма абстрагирует с субъективной теорией примитивизма, и на основе этих тенденций можно резюмировать...» Клевая фраза, жаль не пройдет. Пришлось теребить в руках салфетку и мямлить:

– Я... ну... таким образом...

Кондрад уж было собрался положить конец моей «блистательной» речи, как вдруг замер, побагровел и кинулся прочь из столовой с криком:

– Я приду за ответом позднее!

Давай-давай, касатик, приходи... Глядишь, я к тому моменту еще чего-то придумаю...

Поскольку мой «женишок» спешно слинял по своим... ну о-очень царственным делам и не оставил на мой счет никаких четких указаний, меня водворили в принцессины покои и заперли. И вот там я впервые разглядела доставшееся временное пристанище и обзавидовалась.

Кроме смущающего меня размерами бюста, прицепиться было просто не к чему. Принцесса обладала идеальной фарфоровой кожей. Ее громадные небесно-голубые глаза, опущенные длинными изогнутыми ресницами, могли отнять покой у многих мужчин. Золотистые волосы спускались крупной тяжелой волной до талии. И эту самую талию можно было обхватить руками. Красота лица завораживала тонкостью и пропорциональностью линий.

Ей-богу, мир красавиц и красавцев! Где уж нам, простым смертным, с ними конкурировать. Повздыхав, пришла к знаменателю: ежели папа с мамой красоты недодали, буду компенсировать мозгами. Кстати, у Кондрада губа не дура, на такую девушку слюнями капает. Хорошо завидовать, пока время имеется, необходимо пообщаться на важные темы:

– *Иалона, у тебя жених есть?*

– *Был. Два. Оба умерли.*

Меня аж оторопь взяла:

– *И ты об этом так спокойно говоришь?*

– *А с какой стати мне нужно волноваться? Я их никогда не видела. Папа заключил династическую помолвку, исходя из государственных интересов, но один с лошади не вовремя упал, а второй грибами отравился.*

– *Если тебе без разницы за кого выходить, чего ты тут кочевряжишься?*

– *Дело принципа. Не хочу, и точка!*

М-дя, в мозгах и логике принцессы сам черт ногу сломит. Итак, вариант вызвать сюда жениха и сравить его с Властелином отпал. Плачевно. Придется придумывать что-то еще.

Следующие два дня прошли для нас с сотельницей в относительном спокойствии.

Утром зеленолицая от страха служанка принесла нам бутерброды. В ответ на наше удивление поведала: весь кухонный состав челяди во главе с шеф-поваром в бегах. Кондрад, не выходя из «уголка задумчивости», мечет молнии, угрожая всеми небесными карами отравившему его мерзавцу. Слава богу, молнии воображаемые, брызги до нас не долетят. Мы тут же сделали вид, что мы как бы не при делах, и попросили приносить нам сведения о состоянии здоровья жениха, типа волнуемся – ни есть, ни спать не можем.

У нас образовалось свободное время, и я разбирала экспроприированные пузырьки, попутно выясняя у принцессы их назначение. Вскоре очередь дошла и до загадочного черного порошка. В отношении последнего мне поведали крайне занимательную историю:

– *О! Это чудодейственный порошок. Если смешать его с жидкостью и соединить любые две поверхности, то они срастаются в одно целое. Его приказал изготовить мой папа, когда в гневе уронил дедушкин бюст, и у бабушки откололись нос и корона. Папа страшно переживал о потере предком королевского достоинства и потребовал прикрепить корону на место.*

Я хмыкнула. Честное слово, дурею от этих средневековых порядков – нос побоку, зато корона на башке.

Вечером второго дня все та же служанка принесла новости об улучшении состояния узурпатора. Это не есть хорошо, нужно измышлять следующую акцию протеста. А если...

– *Иалона, ты знаешь, где этот ясновельможный засранец расположился?*

– *В королевских покоях, где ж еще.*

– *Как бы нам туда добраться? Это далеко? Есть способ охрану обойти?*

– *Для чего обходить? Из моей комнаты туда ведет потайной ход. Наши предки при постройке дворца сделали королевскую опочивальню как можно неприступней. В ней нет окон – нельзя достать стрелой, тройные стены – трудно пробить, окованная железом дверь, неподдающаяся огню. Но поскольку не было возможности оборудовать такие же условия защиты для всех членов королевской семьи, то из каждой комнаты туда ведет потайной ход, о существовании которого известно исключительно близким родственникам. Из владеющих этой тайной осталась я одна.*

Какие замечательные, умные и предусмотрительные предки. Дай вам Бог здоровья... Тьфу! Пусть земля вам будет пухом.

– *Ночью пойдем на дело.*

Возникла одна маленькая проблема: в чем идти на это самое дело. В длинном пышном платье туда переться верное самоубийство, а штанов принцессам не положено. Радует одно, нашлись сапожки из мягкой кожи без каблуков, все не босиком шлепать.

Пересмотрев весь обширный гардероб, пришлось уведомить соседку, что пойдем мы с ней в сорочке. Крику было... Мне перечислили параграфы этикета, на основании которых этого делать было категорически низзя. Но после напоминания о замужестве она сразу заткнулась, пустив этикет побоку.

Ночью мы соорудили муляж из подушек, имитировав себя спящую, и, подойдя к стене, что-то повертели, на что-то нажали, специфически постучали. В результате манипуляций в стене открылся узкий проход. Куда мы и шагнули, собравшись с духом. Идти пришлось долго. Было слишком темно, огня одной свечи не хватало. Но ход в конце концов завершился тупичком, и, проведя похожие манипуляции, мы высунули нос наружу.

Никого. Тупик открылся в маленькой комнате, похожей на предбанник, абсолютно пустой. Приблизившись на цыпочках к двери в спальню, я долго прислушивалась. Все тихо. Умаялся болезный, устал... Ниче, чистка кишечника благотворно влияет на общее состояние здоровья.

В подсобке и спальне нет слуг. Странно. Наш Властелин шибко самостоятельный? Надо пользоваться случаем. Мы быстренько замазали обе двери, используя костяной веер вместо лопатки. Убедившись в результате, радостно шмыгнули обратно в потайной ход. Вернувшись в спальню, мы с принцессой отправились на боковую с чувством выполненного долга и

глубокого удовлетворения.

Утро началось с криков и грохота.

Выглянув за дверь, я обнаружила полное отсутствие охраны. Понятненько, все ушли на фронт лидера освобождать. Сходим-ка и мы туда же, полюбуемся на дело рук своих и обстановку заодно оценим. И я пошла на шум.

Какое это было незабываемое зрелище, греющее мою душу! Куча людей суетилась и бегала взад-вперед с указаниями, инструментами и приспособлениями для осады. Организовывались военные советы. Лучшие умы совещались о способах выковыривания Властелина, угодившего в мышеловку. Я просто млела, наблюдая процесс долбления стены: после пяти часов непрерывного труда там даже трещины не образовалось. Кто-то «башковитый» предложил оторвать лист железа с этой стороны и поджечь дерево между слоями. Я не поняла, за что он так начальника не любит, прямо-таки мечтает изжарить своего господина живьем, заодно и дымком едким додывать, чтоб уж точно угорел и не мучился. Эта замечательная идея не прижилась, к моему большому сожалению. Умника заткнули и настучали по маковке.

Вариантов спасения оставалось все меньше и меньше. Я уже четвертый день наблюдала за безуспешными попытками проникнуть вовнутрь и, честно говоря, начинала испытывать муки совести. Но совесть, она как пьяная женщина, то покоя не дает, то уснет внезапно. Вот и моя засыпала от напоминания про условие возврата домой. У людей начинал заканчиваться энтузиазм и угасала вера в успешный исход дела, когда прибежал алхимик и радостно завопил:

– Я изготовил средство, способное вызволить Властелина! Если вы позволите мне попробовать, то вскоре он выйдет оттуда.

Ангидрид твою перекись марганца! Энтузиаст от науки! Чтоб тебе про Нобелевскую премию поведали и никогда не дали! Я бы его послала, но он там и так безвылазно... Не мог еще пару деньков эту дрянь поизобретать. Он, видите ли, спаситель, а мне опять черепушку ломай. У меня нормальная голова, а не генератор идей по изведению красивых мужиков с нормальными инстинктами воспроизводства населения. Эту бы принцессу да в мое время запустить, взглянула бы она, во что превращаются цивилизованные мужчины! Замучилась бы выискивать адекватно ориентированного, неженатого, обеспеченного, без прибамбасов и чуть-чуть покрасивее краснозадого примата. Ага, экстремальная экскурсия под девизом «Отыщи мужчину и отбейся от других претенденток». Быстренько перестала бы выкобениваться.

Подумаешь, характер паскудный... Умная женщина всегда найдет способ обернуть потенциальные пороки мужчины себе на пользу. Взять хотя бы мою маму – ну не любит мой папа на даче грядки копать. И что? Мамочка выдает ему план огорода с шифровкой «Перекопаешь – найдешь бутылку». И копает как миленький... Денька вон носки за собой не убирает, так мама стащила в его комнату все грязные и вонючие носки... после пары дней вдыхания амбре – не просто убрал, еще и выстирал, а то, что стиральную машину опосля переклинило, это уже мелочи. И таких примеров можно привести великое множество.

Приспособились современные дамы к суровой действительности. Главное помнить: умная женщина – та, кто умеет сочетать полезное для себя с приятным для других, и дело в шляпе.

Завершая этой темой свои философские измышления, я приступила к продумыванию грядущего оборонного рубежа, потому как жрец науки, я имею в виду алхимика, плеснул из

скляночки на дверь, и в той начала образовываться дырка. Далеко шагнул у них прогресс, уже до аналога серной кислоты додумались.

В образовавшееся отверстие вылез Кондрад, злой, всклокоченный, с полубезумным взглядом, ясно выказывающим жажду крови того подлеца и негодяя, кто устроил ему это памятное заключение. А что я? Я здесь просто так стою, интерьер украшаю, элемент дизайна, можно сказать... при всем этом тихонечко подвигаюсь за спину одной из статуй, в огромном количестве стоящих в коридоре. Не ровен час, попадусь на глаза оголодавшему монстру – все, прощай, котенок, было приятно пообщаться. Вон у Властелина какой ножичек жуткий в руках, пошинкует на ломтики – и адью.

Уже из укрытия услышала отрывистые приказы Властелина о перебазировании его в другие покои, указания про обед и ванну.

А вот это уже занятно... к нему подскочил дядечка и что-то прошептал на ухо. После недолгого обдумывания Кондрад выдал:

– Через час в зале совещаний! Жду всех!

И смылся в направлении новой спальни.

Я поспешила к себе, по дороге задавая интересующие меня вопросы Иалоне, конкретно – где находится этот зал и можно ли туда незаметно попасть.

Второй раз поразила прозорливости ее предков – все предусмотрели, даже как подслушивать. Очутившись в комнате, я принялась изготавливать особенную свечку. У нас дома по таким эффектам Тарас специализируется, вот его наработками и воспользуемся. Нагрев свечу над огнем и размягчив воск, я проделала глубокий желобок по всей длине и насыпала туда чудодейственный составчик, затем замазала воском и заровняла. Я во всеоружии, можно идти.

И мы потащились тем же потайным ходом, но в другом направлении. Все-таки средневековые люди – как кроты, трудолюбиво рыли и проложили целый подземный муравейник. И не лень им было. Хотя, с другой стороны, необыкновенно удобно для меня в нынешней ситуации. Уже на подходе до нас донеслись громкие споры. Больше всех буйствовал наш невольный узник, и, как выяснилось, не зря. Принцесса, выслушав вопли, перевела в радостном изумлении:

– На севере страны готовится мятеж, целью которого является мое освобождение и коронация. Благодарю вас, боги! Не все преданные моей семье лорды погибли в последнем сражении. У меня есть надежда!

Ага, у тебя она есть, а у меня? Когда они там еще соберутся напасть, бог весть. Проблема-то как стояла передо мной, так и стоит. Опять двадцать пять... Характер портится на глазах. Что по поводу пессимизма говорит Егор? «Пессимист – это человек, который плачется в жилетку, оптимист предпочитает плакаться в декольте». Сойдет для мужиков, но лучшего утешения пока нет. Где мое декольте? И желательно на мускулистой груди.

Поскольку значимые для нас новости закончились и эта веселая троица приготовилась соображать «на троих» по винишку, я зажгла свечку, подвинула к отверстию, зажала нос и прытко ускакала. Посмотрим, как им понравится средство для вхождения в транс. Судя по описанию Иалоны, должен быть эффект, похожий на ЛСД.

Какой у нас потом был цирк, словами описать трудно – это надо видеть!

Один из участников этой ассамблеи сам себя гонял по плацу, отдавая команды и сам же их и выполняя. Он маршировал в ногу, постоянно сбиваясь с такта и тут же назначая себе штрафные очки. Когда ему надоело, мужик вытащил меч и понесся в атаку с криком: «Стой,

гнида, на месте! Я с тобой разберусь!» И сильно оскорблялся, что «гнида» упорно не останавливалась и размножалась на глазах в геометрической прогрессии. За ним по двору носилось человек десять в тщетных попытках успокоить разбушевавшегося полководца. Ага, сначала за ним, а потом от него... После суток интенсивных физических упражнений мужик сильно разобиделся на себя и на весь белый свет и отбыл в казематы, с целью заключить себя на гауптвахту на нелимитированное время.

Второй из троицы был потише. Мужик воспылал страстной любовью к статуе и носился вокруг скульптуры с цветами, пирожными и подарками. Он пылко заключал мраморного истукана в объятия, запечатлевая горячие поцелуи на холодных губах и объясняясь в вечной любви. Иалону смертельно оскорблял тот факт, что статуя была изваяна с ее прадедушки. За резко «поголубевшим» мужиком тоже приглядывали, но особых проблем он не доставлял и его не трогали, давая возможность страдать невинной блажью и дальше.

Чрезвычайно порадовал Кондрад – он ловил по всему дворцу сперва розовых чертиков в зеленых юбочках с синими крылышками. Последовательно отлавливая глюков, он складывал их в бочку из-под вина, каковую таскал за собой, и никому не демонстрировал собранную коллекцию. На все мольбы лукаво скалился и сулил устроить сюрприз. Чуть погода чертики модифицировались в желтых лошадей, почему-то в красных штанишках. Мой жених упоенно гонялся за вожделенными конями с уздечками, по дороге взнуздывая всех попадающихся воинов и слуг и привязывая несчастных к дверным ручкам. В итоге за ним уже никто не бегал – боялись. Немного погода коники обернулись русалками, и бедолага спасался уже теперь от них, вереща, что они дерутся хвостами, и неприглядно матерился, накручивая кросс по дворцу.

Действие спецсостава закончилось внезапно...

Рано утром наша с Иалоной дверь распахнулась от пинка. На пороге возник жутко разъяренный Кондрад и, ни слова не говоря, схватил нас за руку и потащил из комнаты. Он несся так шустро, что мы полоскались за ним, как выстиранное белье на ветру. Данный способ перемещения мне пришелся не по душе. Уцепившись за какой-то угол, я выдрала руку из захвата, едва не потеряв при этом конечность, и куртуазно осведомилась:

– Возможно, мне соизволят объяснить происходящее?

Ой, по-моему, я зря вылезла! Мужик развернулся с видом быка на корриде, от него несло настолько ощутимой яростью, что вполне можно было костер без спичек зажигать:

– Мне надоели непрерывные проблемы! Я не желаю отсрочивать наше супружество! Мы незамедлительно идем в церковь. В ее стенах ты, так или иначе, принесешь мне клятву и выйдешь оттуда уже моей женой!

– *А-а-а-а!!!* – зашлась в крике Иалона.

– *Цыц, я сказала! Еще не все потеряно!* – попыталась утихомирить истеричку.

Нелегко, знаете ли, на два фронта работать, когда оба орут. Только один кипит, будто чайник, а другая колотится в припадке.

Мне было, безусловно, страшновато противоречить Кондраду, но стояла стойким оловянным солдатиком. Домой страшно хоцца.

– Я так понимаю, что вам наплевать на мое решение. Поправьте меня, если я заблуждаюсь.

Крыша, стой! Раз-два! Это я не себе, ему. А то мужик, похоже, совсем с катушек съехал. Вопил, как будто я ему жизненно важную часть тела тупыми ножницами оттяпала:

– Да! Мне! Наплевать!

А, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Я подбоченилась, как базарная торговка на привокзальном рынке, выставила вперед ногу, набычилась и начала наезжать:

– А мне – нет! Я тоже много чего не желаю! В частности, выходить замуж растрепанная и расхристанная! Будьте мужчиной, в конце концов, позвольте девушке привести себя в порядок и собраться с мыслями. Или вам до такой степени неймется меня в постель запихнуть, что элементарное почтение к женщине как к слабому полу можно в сторону отодвинуть? Или орган, отвечающий у вас за мысленную деятельность, был безвозвратно поврежден в сражениях, и оставшийся мозг перекочевал между ног?

По мере моей речи глаза Кондрада становились все шире, а челюсть падала все ниже, пока в итоге едва не встретилась с полом. Он потряс головой, пытаясь сконцентрировать разбежавшиеся в стороны глаза и постигнуть суть моей пламенной речуги. Народная мудрость, проверенная веками: лучшая защита – это нападение. Так-с, требовалось быстро закрепить успех, и я поперла на него, выкатив грудь вперед, как стратегически незаменимое оружие обороны. Знаете четвертый закон Ньютона? Нет? Вы многое потеряли! Так вот, четвертый закон Ньютона гласит: тело, зажатое в угол, не сопротивляется. Туда-то мы его и загоняли, применяя то, чем щедро поделилась с нами природа.

– Ну так что? Будем становиться мужчиной или глазки строить? Сними лупалки с моего бюста, мне трудно дышать. Я девушка нервная, хрупкая, нежная, воспитанная и скромная, ежели чего – могу и в глаз дать, честь свою сберегая.

Кондрад утомленно потер лицо рукой. Я обратила внимание на его измученный вид – все же крепко мужику перепало от меня за последние дни. Меня заживо стала грызть совесть, и я вынесла решение – выбить ей зубы, пускай нежно обсасывает. Так и быть, потерплю. Сам виноват! Зачем Иалону под венец силком тащит? Я существо кроткое, даже мухи не обижу, но задолбаю тварь так, что она сама самоубьется.

– Два часа тебе довольно, принцесса?

Мы пожали плечами:

– Это уж как получится!

И, не дожидаясь ответа, величаво удалились, пытаясь не сорваться на рысцу. В комнате я рвала простыню на тонкие полосы, скручивая жгутами, и пропитывала горючим составом, одновременно допытываясь у сотельницы:

– Расскажи мне вкратце, что у вас собой представляет церемония бракосочетания?

В то время как Иалона излагала порядок действий, я в спешке переодевалась, причесывалась и пристраивала свой «бикфордов шнур» в кармане.

– Поначалу жениха и невесту исповедуют. Потом по идее они должны ночь провести в церкви в молитвах, испрашивая благословения богов... но это необязательно. И заключительная часть – сама церемония.

Угу, если я все точно запомнила о богадельне, то, вероятно, моя задумка удастся. В этот момент послышался стук в дверь. Как меня задолбали! Я вызверилась:

– Это кто там такой вежливый?

Дверь распахнулась, на пороге нарисовался Властелин, чтоб ему в луже утопиться.

И ехидно так спросил:

– Надеюсь, тебе хватило времени?

Быстро очухался, ворон бесхвостый. Мы тож можем ехидничать:

– Естественно! Столь поспешала, едва туфельки не потеряла, все глазки проглядела: где ж мой ненаглядный? Куды запропал? Мож, каку другу девицу красную себе облюбовал?

У мужика на лице обозначилась усиленная мыслительная деятельность. Мне по такому случаю приспичило порекомендовать думать не лицевой, а мозговой частью головы. Еле удержалась.

– Почему красная?..

Посмотрев на него с состраданием, как на слабоумного, снизошла:

– Помидорами обожралась.

От последовавшего вслед за тем вопроса мозги зашкалило уже у меня.

– А так бывает?

– Еще как бывает, если много съесть.

– Много – это сколько?

Ситуация превращалась в патовую. Я представления не имела, что делают с впавшими в детство громадными мужчинами. Пришлось быть свехосторожной. Я легонько взяла Кондрада за локоть и сообщила:

– Много – это целый тазик. Хочешь попробовать? Пойдем, солнышко, на кухню, я тебя там покормлю...

И «солнышко» на абсолютном серьезе наострило лыжи на кухню. Пройдя несколько шагов, он внезапно пришел в себя и взорвался:

– Довольно! Надо мной! Издеваться!

И я опять «полетела» за ним на прицепе. Обстоятельства действовали на нервы утомительной повторяемостью событий. Отвоевав свою многострадальную конечность обратно, довела до сведения:

– Я покамест еще сама в состоянии идти!

У, какие мы грозные. Мог бы – испепелил на месте. А так... глазками посверкал, зубками поскрипел и выдавил:

– Следуй за мной!

Следую, следую, Данко ты мой изергилистый, тем более – сзади твоя охрана подпирает, куда уж тут денешься. Так и передвигались цепочкой: он, я и охрана.

Я почему «якаю»: сотельница моя затихарилась, вылезать робеет, приходится все самой.

Ой, какой симпатичный поворотик впереди... Я сравнялась с «проводником» и на вираже непредумышленно подставила подножку. Приложился Кондрад об стену лбом знатно. Звон стоял, заслушаешься: «Вечерний звон. Бом-бом». Который раз убедилась в крепости его конституции, другой бы уже в отключке валялся, а этот всего лишь головой помотал и взглядом на кусочки расчленил. Но-но, без членовредительства! Постояли мы так минут десять, пазл из мозгов сложили и далее потопали.

Ух ты! Лесенка. Мраморная. Красотища! У нас Егорка так в детстве баловаться любил: подкрадется тихонечко, под коленочки пнет и наблюдает, далеко ли экспериментальный образец полетел. Ага, этот опыт «Испытания Гагарина» назывался. Ну отчего с хорошим человеком опытом не поделиться? Нам такого добра не жалко, своего хватает. И я его так легонечко под коленочки – оп-па. Он вниз, а я в красивый обморок на руки охраны, чтоб они, значит, за ним не рванули, не испортили бредущий полет орла.

Из-под ресниц наблюдала. Люди не летают, как птицы, потому что отрасли большие ягодицы. И он этими самыми полупопиями по ступенькам – бряк, бряк, бряк. Музыка! На пятнадцатой ступеньке опомнился, за перила рукой ухватился, поднялся на ноги, но с трудом. Рука, вижу, так и тянется ощупать, не осталось ли чего на лесенке.

Спросил бы у окружающих, коли сам не видит, и не надо на меня угрожающе пялиться –

у меня «чуйства», я переживаю, видишь, как эстетично валяюсь у мужиков на десницах. Грудью, можно сказать, от твоего позора отвлекаю. Одно плохо – там скоро мозоль натрут или ожогов наставят. Травма на производстве у них оплачивается?

Хошь не хошь, а пришлось в себя приходиться, и наша процессия двинулась дальше, но уже гораздо медленнее. Знамо почему. Кондрад одной рукой за лоб держался, другой поясницу потирал и вперед уже не вырывался. Жалость какая, столько поворотов и лестниц зря пропало, аж душа болит. Доползли мы все же до церкви, а там нас старичок, божий голубь, встретил. Разряженный сам из себя, расфуфыренный весь. Любят они тут ткань рулонами наматывать и золотом с ног до головы увешиваться. Этот светоч религии нам разулыбался сладко-пресладко. Я прям еле сдержалась, чтоб не дать ему ценный совет: «Улыбаясь, вы делаете зубы беззащитными».

– Дети мои, вы прибыли соединить себя узами брака в священное место. По своей ли воле и велению сердца совершаете вы столь ответственный шаг?

Хоть в чем-то мы были с Властелином солидарны: у обоих в глазах светилась жажда убийства. Причины, добавлю, были разные.

– *Иалона, вылезай на поверхность. Ты этого святошу знаешь?*

– *Нет, наш богослужитель при штурме погиб, этот пришлый.*

– *Тады фиг с ним.*

И я полезла обниматься:

– Как я рада вас лицезреть! Как мне не доставало божьего слова и святого напутствия!

А сама ему за шиворот чесоточного порошочку отсыпала. А че? Пусть у мужика тоже праздник наступит. Повеселится, потанцует. Танец «брейк-данс об косяк» называется. Переворот в мире средневекового искусства.

Святой отец меня от себя отклеил и в исповедальню пригласил:

– Готова ли ты, дочь моя, покаяться перед замужеством?

Я рявкнула:

– Всегда готова! – и отдала ему пионерский салют.

Старичок прикосел и рысцой двинул в кабинку, я рядом устроилась, в смысле в другой кабинке рядом, а не то, что вы подумали.

– Поведай мне, дочь моя, о своих грехах.

– Ой, грешна, отче! Как заподозрю, что преступаю международную конвенцию ООН по правовой защите женщин, так страдаю...

– Чего преступаешь? Конц... ковер...

– Конвенцию, отче! Стыдно не знать таких вещей в наш просвещенный век. Я вам сейчас маленький ликбез устрою. Слушайте:

«Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Государства-участники осудили дискриминацию женщин во всех ее формах, согласились проводить политику ее ликвидации и обязались принять ряд мер:

включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции и другое законодательство и обеспечить практическое осуществление этого принципа;

принимать законодательные и другие меры, включая санкции, запрещающие дискриминацию в отношении женщин;

установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации;

воздерживаться от совершения дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим принципом;

принимать соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны лиц, организаций, предприятий;

принимать соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, представляющих дискриминацию в отношении женщин;

отменить все положения своего уголовного законодательства, представляющие собой дискриминацию в отношении женщин...»

Я думала, у священника падучая. Из рта пошла пена, глазки закатились... Не дал договорить, заверещал как зарезанный:

– Я постигнул, уразумел! Чем еще грешна, дочь моя?

Мало тебе, мазохист средневековый? Так на тебе!

– Мучает меня, отче, один вопрос...

– Поведай мне, дочь моя, надеюсь, я облегчу твои муки.

Безусловно! Всенепременно! Получи, фашист, гранату!

– Почему, когда ты разговариваешь с Богом – это названо молитвой, а когда Бог с тобой – шизофренией?

Пятиминутное молчание и несмазанный скрип мозговых шестеренок. Прерывая затянувшееся безмолвие, прозвучало робкое уточнение:

– А полегче грехов у тебя не найдется? Ну, прелюбодеяние там, кража, убийство?

Приплыл мужик до кондиции. Гордо проинформировала:

– Нет, в этом не грешна. По мелочовке не работаю.

Тяжкий вздох:

– Иди с миром, дочь моя. Отпускаю ныне все грехи твои.

И мы оба вывалились из уютных душных кабинок: цветущая, довольная я – и потный, красный богослужитель. Кондрад окинул нас подозрительным взглядом и проследовал на лавку в исповедальню. В пока еще открытую дверь увидела, как он ощупывает соединяющую два помещения стену. Это он о чем подумал? Наглец!

По истечении десяти минут, потраченных мной на прокладывание своего заранее припасенного шнурка от кувшинов с церковным маслом до места зажигания свечей, кабинка святого отца принялась ходить ходуном. Чуть-чуть погода старичок выпал из исповедальни с криком:

– Отпускаю, все тебе отпускаю, сын мой! Приходите завтра! – и вымелся наружу, по дороге почесываясь обо все выступающие предметы. Следом вышел Кондрад, озадаченно глядя на богослужителя. До чего-то додумавшись, мотнул головой в мою сторону:

– Пошли. Завтра вернемся.

Я послушно последовала за ним, невзначай уронив горящую свечку. По дороге поинтересовалась у Иалоны:

– *Слышишь, тебе церковь нравится?*

Девушка задумалась:

– *Видимо, да. Она нам весьма дорого...*

Позади раздался взрыв.

– *Ныне она будет тебе дорога как память,* – поставила я ее перед фактом, испытав

немалое удивление и даже легкое потрясение. Мои расчеты сводились лишь к пожару, взрыв сценарием был не предусмотрен. Но так даже лучше. Дольше восстанавливать придется.

Мои сопровождающие немедленно развернулись и устремились на грохот. Все, за исключением Кондрада. Он остался со мной и, прислонившись плечом к стене, удивительно спокойно высказал следующее:

– Если это то, что я подозреваю, принцесса, то тебе это не поможет. Обычно я не отступаю от собственных слов, но могу с легкостью пересмотреть принципы. Никогда до этого момента я не поднимал руки на женщину, но, видно, пришло время. Ты непрестанно подвергаешь испытанию мое терпение, и, когда оно закончится, ты пожалеешь об этом дне. Запомни.

Я пожалала плечами... запомнить легко, вспомнить трудно. И вообще, как будто у меня есть выбор, и я тут развлекаюсь от нечего делать.

Вскоре воины вернулись с известием о полном разрушении церкви, которое было выслушано с тем же невозмутимым грозovým спокойствием, сильно меня тревожившим. По окончании доклада на мающуюся невесту снова обратили пристальное внимание:

– Вижу, я не ошибся. Сейчас тебя запрут в покоях, принцесса, а завтра утром мы поедем в городскую церковь, где закончим начатое сегодня. Не советую пытаться что-либо предпринимать, иначе туда ты отправишься в клетке и в кандалах.

И отвернувшись с приказом отконвоировать меня к месту лишения свободы. Когда я очутилась внутри и услышала звук запирающегося замка, на меня навалился приступ паники. Я представления не имела, что возможно еще предпринять в сложившейся обстановке. Все шло к тому, что он меня переиграл. Пометавшись туда-сюда по периметру гостиной, я адресовалась к сотельнице в отчаянии:

– У тебя какие-нибудь идеи есть?

Иалона высказалась с унынием и раздражением:

– Нет, но это твоя прерогатива думать и спасать меня.

М-дя, жизнь – это движение: одни шевелят извилинами, другие хлопают ушами, создавая сквозняк, выветривающий все оставшиеся мысли. Что же мне делать? Я подошла к окну, открыла и принялась изучать возможность побега. Допустим, четвертый этаж не такая уж неборимая высота, спущусь я запросто, а что делать с крепостной стеной и рвом? Проблема состояла не в высоте и воде, а в охраняющих пикетах, прохаживающихся вокруг цитадели без особого графика. И вдруг из крепостного рва поднялась здоровенная ящеровидная голова на длиннющей шее и практически заглянула мне в глаза. От неожиданности я подпрыгнула:

– Это кто?

– А, это водяные змеи. Папе кто-то из морских держав парочку подарил, и мы пристроили их в ров, там для них довольно места.

Ни фиги себе змейки! Пребывая в полнейшем оупении, я чуть было не пропустила самое любопытное. Принцесса проклюнулась на поверхность и что-то то ли прошебетала, то ли просвистела, но эта змеюка обернулась в нашу сторону, раззявила пасть в подобии улыбки и метнулась к нашему окну. Достать не достала – с перегибом через стену потенциал закончился на уровне примерно второго этажа, но мне приползла в голову бредовая идея. За неимением лучшего будем использовать что есть. Уточнила:

– Ты умеешь с ним общаться?

Меня поправили:

– С ней, он на другой стороне рва. Да, умею, они очень милые и ласковые.

Да, а по внешнему виду «милый» морды и метровым зубкам в жизни не подумаешь.

– И что едят эти ласковые?

– В основном рыбу, но не брезгают ничем.

– Людьми тоже?

– Нет, конечно.

Угу, жаль... Блин, мне бы хотя бы сутки, которых у меня как раз и нет. Потащит же завтра за волосы в церковь, и мяукнуть не успею. Думай, шевели мозгами! Каким образом можно уклониться от выезда в город? Только если из замка нельзя будет выйти. А как это оформить? Штурм крепости им организовать? Если бы. Счас, размножусь и осажу.

К первой голове присоединилась вторая. Змеи уже вдвоем умильно строили глазки Иалоне.

Оба-на, а кто сказал, что осада обязана быть неизменно физической? Идея фантазмагоричная, но кто не рискует, тот не пьет шампанское! Запихав соседку обратно, я рванула к тайнику и выудила заветную бутылочку. Тем же манером я живо метнулась к столу с остатками трапезы, сграбастала хлеб и, поделив на две половинки, щедро полила их составом. Вернувшись к окну, я прицелилась и швырнула куски змеям. Те поймали хлеб на лету, проглотили и, облизнувшись, скрылись в воде. Простите меня, пожалуйста, вот вернусь и, честное слово, добровольно сдамся обществу защиты животных.

Результат я получила через три часа. Ровно столько понадобилось составу, действующему как обычное ветрогонное, чтобы повлиять на организм змеев. Цитадель оказалась-таки в осаде – газовой. Желудки животных работали исправно, и вонь стояла похлеще «Черемухи». Люди истекали горючими слезами, принимались задыхаться, астматически кашлять и поворачивали назад.

Перепробовав кучу средств, постановили дожидаться естественного окончания процесса. Особенно мне пришлось по душе попытка подстрелить змея из лука, предпринятая одним невероятно головастым умником. Стрела не нанесла никакого ущерба толстой чешуе, отскочив от нее. Она только разозлила животное, которое недолго думая ушло на глубину, выпустив перед этим громадное едко-вонючее облако кишечного газа. После чего мужик сильно пострадал от рук своих же товарищей.

Сработало! Душа требовала шампанского и ананаса, а организм соглашался на водку и огурчик. Но моим мечтам не суждено было сбыться...

Налюбовавшись на законное действие, мы с сотельницей вознамерились отойти ко сну и уже разоблачились до нижней рубашки в кружавчиках и панталончиков в том же стиле, когда нас невежливо обломали. Наша дверь распахнулась, чуть было не сорвавшись с косяка и, обсыпав ворвавшегося злобного Властелина каменной крошкой, придала его волосам благородный оттенок седины. Я обозрела сие дивное явление, хлопая ресницами, в то время как мужчина пускал дым из ноздрей и подбирал подходящие случаю слова в своем скудном лексиконе. У меня начали подмерзать ноги, и я рискнула подтолкнуть прадедушку Элочки-людоедки к цели визита, уповая отделаться насморком вместо бронхита или воспаления легких. Да-да, я хорошо запомнила, чем их тут лечат.

– Какие неотложные обстоятельства привели вас в столь поздний час в спальню к молодой незамужней девушке?

Процесс не сдвинулся ни на йоту, хотя – вру: к пыхтению и сопению добавилось скрежетание. С медициной все ясно, а что со стоматологией? Останется же мужик по моей

вине беззубым во цвете лет. Впрочем, несущественно. Ноги замерзли еще сильнее, и вместо вежливого недоумения я начала излучать невежливое раздражение:

– Че приперся, спрашиваю?

А что такого? Хамство всегда ближе к искренности, чем тактичность, и гораздо быстрее достигает цели. Хотя, с другой стороны, ничто так не портит цель, как попадание. О, точно испортила. Уже будучи не в состоянии нормально выговаривать слова, Кондрад шипел, наступая на меня немалой тушей:

– Я тебя предупреждал, принцесса, о последствиях и моем терпении? Так вот, ставлю тебя в известность: мое долготерпение целиком истощилось! И я собираюсь принять экстренные меры по обеспечению спокойствия и порядка в моем дворце!

Договаривая окончание монолога, он навис надо мной, подавляя авторитетом. Но к его несчастью, авторитетов я не признавала с детства, а размеры бугаев меня не пугали. Привычка такая вредная. Посему я нагло поинтересовалась:

– А в чем, собственно, дело? На какую из любимых мозолей я наступила на этот раз? Причем, заметьте, не покидая запертой комнаты.

Даю дельный совет на будущее: не дразните взбешенного мужика, у него мозги плавятся и стекают вниз, аккумулируясь в области таза. А иначе как объяснить следующее заявление:

– Я совершенно не собираюсь вникать, где кто был. Я просто посажу тебя на цепь, и если к утру не услышу вразумительный ответ, то просто возьму силой, и после этого сама будешь ползать за мной на коленях, умоляя жениться!

Ах ты, козел бодливый, ты мне угрожать надумал? В сущности, я бескрайне добрая, нежная, сострадательная и воспитанная девушка. Исключительно поэтому тебя не убью, а всего лишь покалечу. Благородно решив дать последний шанс, я заглянула Кондраду в глаза и тихо спросила:

– Ты полностью уверен в своем праве? Не хочешь еще раз подумать?

Бесполезное занятие пытаться достучаться до мозгов впавшей в агрессию личности. Он продолжал загонять меня в угол, где мне было технически невыгодно оказаться – простора действий практически не оставалось. Пришлось воспользоваться приемами уличной драки – банально врезать по достоинству. Вслед за этим я отоварила его в солнечное сплетение кулаком, и в то время когда мужчина согнулся в три погибели от боли, пытаюсь поймать плоток воздуха, добавила локтем по шее. Перешагивая через упавшее тело, я негромко извинилась:

– Прости, у меня нет выбора. – Нагнувшись над женихом, нажала на точки, способствующие потере сознания. Я заметила в его гаснущих глазах чувство, весьма похожее на восхищение. Он скрытый мазохист? Бог с ним, каждый испорчен в меру своих возможностей. У меня назревали проблемы посерьезнее – активировалась и зашевелилась могучая кучка личной охраны Властелина.

Меня окружали милые, симпатичные люди, медленно сжимая кольцо... И пошла потеха! Спасало отчасти то, что рыцари не водили знакомство с приемами борьбы и, как следствие, не были способны противопоставить функциональную защиту, лишь толкаясь, мешая друг другу и вопя дурниной. Угу, я всегда чувствовала, что дурь заразна. Не зря же ее определяют как особую форму материи, которая не возникает ниоткуда и не исчезает в никуда, а лишь переходит из одной головы в другую.

Спасибо Форсету, не обманул – тело работало на автомате, имея все мои навыки, знания и рефлексy. Мужики летали по комнате, изображая больших бабочек, бряцая

металлическими частями костюмов. Сказка! Так продолжалось до тех пор, пока кого-то не посетила чрезвычайно изобретательная идея – на мою голову сзади опустилось что-то тяжелое, и свет померк...

Сознание возвращалось медленно и неохотно, демонстративно показывая нежелание оживлять столь неумного индивидуума. Когда мы с ним все же достигли соглашения, включился мозг и просигнализировал о технических неполадках в системе. Этого паникера немедленно поддержало тело, потребовав провести техосмотр и инвентаризацию. В результате этих действий было выявлено следующее: я возлежала на кровати, прикованная за руки кандалами к углам. Поза сильно раздражала беспомощностью и не менее сильно беспокоила неудобством. Пришедшая в себя вместе со мной, Иалона от страха выла на одной ноте:

– *Это конец! Ничего нельзя сделать! Это конец!*

И так по кругу, изображая заезженную пластинку. Жуть как играла на нервах, мешая сосредоточиться.

– *Ваше высочество, ваше высочество...* – Ноль эффекта.

– *А-а-а-а...*

– *Заткнись, блаженная!*

О, заткнулась. Дождавшись благословенной тишины, которая показалась оглушительной, я рассматривала новые украшения с кодовым названием «браслеты». Не сказать, что они представляли для меня серьезную проблему... немножко боли – и путь свободен. Все упиралось в соседку – если она заорет, попадемся, и кто ведает, что взбредет в голову нашему «суженому» в следующий раз.

В моем детстве, изобилующем множеством приключений благодаря энергичным братцам, был один прелюбопытный эпизод. Дениска получил в подарок от одноклассника, у которого отец был милиционер, наручники для игры в войнушку. К моему горю, никто не рассчитывал становиться заложником и сдаваться в плен, в итоге на эту неблагодарную роль определили меня, как самую мелкую. Неимоверно устав сидеть часами закованной в наручники, я быстро научилась освобождаться от них. Именно этот опыт мне предстояло использовать сейчас.

– *Иалона, я нас освобожу, но тебе придется потерпеть боль и не кричать. Прошу тебя, соберись, это очень важно. Сможешь?*

Сотельница всхлипнула и согласилась. Мне же оставалось уповать на ее выдержку. В конце концов, воля к победе определяется степенью неволи. Сосредоточившись, я вывихнула большой палец на левой руке и потихоньку высвободила руку, кусая губы от боли. Отдышавшись и вправив палец на место, я покопалась в растрепанной прическе и, вытянув шпильку, занялась второй рукой. Примитивный замок сопротивлялся недолго. Вскоре он щелкнул и открылся. Ну, слава богу, первый шаг к свободе удался, следовало заняться приготовлением ко второму. Честно говоря, я не была слишком уверена в точности задуманного, уповая лишь на средневековый этикет, не позволяющий демонстрировать прелести будущей жены окружающим. Я приватизировала кочергу и устроила засаду возле двери, постоянно прислушиваясь к звукам снаружи. И дождалась. За дверью послышался шум и распоряжение Кондрада:

– *Меня по пустякам не беспокоить!*

Какая же ты умница, сладкий мой! Не переживай, я не обеспокою тебя «по пустякам». Так, поговорю по душам – и вся недолга. Щелчок замка. Мужчина вошел и застыл при виде

пустой кровати. Не дав ему сообразить хоть что-то, я захлопнула дверь, мгновенно заперла замок и «приласкала» кочергой по темечку со словами:

– Вы снова здесь? Как вы непостоянны! – При этом всем чуть не надорвалась, поддерживая потерявшего сознание тяжеленного мужчину и волоком транспортируя его к вакантному месту заключения.

Разглядывая «трофей», меня осенила мысль воспользоваться его одеждой. Не могла же я бежать без штанов. Раздевая Кондрада под смущенное попискивание принцессы, любовалась совершенным телом, состоящим исключительно из мышц, ни одной граммульки жира. Бицепсы, трицепсы, пресс кубиками – все это великолепие вызвало повышенное слюноотделение. Закончив с верхней частью гардероба, я защелкнула на руках мужчины кандалы и для верности примотала руки полосами от разорванной простыни, исключая возможность повторить мой путь. Пришел черед брюк. Избавившись от сапог и взявшись за штаны, я обнаружила полное отсутствие нижнего белья. Чтоб тебя, бесстыдник, и как только не натираешь себе все дорогое сердцу! Иалона потерялась внутри, похоже, упав в обморок от вида обнаженного мужчины. У меня либидо выпрыгивало за верхний уровень шкалы. Спокойно, Илона, спокойно, прочитай слово «либидо» наоборот и задумайся, ты же не хочешь соответствовать?

Не подумайте обо мне как о неудержимой маньячке, попросту он мне чрезвычайно нравился и, честное слово, будь я на месте принцессы, не знаю, как долго бы я сопротивлялась, но обязательно бы сдалась на милость победителя.

По сути, весь мой сексуальный опыт обозначался цифрой полтора. Расшифровываю: один раз было, пока братья не дознались и не «оградили свою маленькую девочку от тлетворного влияния озабоченного самца», процитировано дословно. Второй раз до постели вообще не дошло, ограничилось парой поцелуев и внезапным исчезновением при известии о трех братьях. Но к этим несостоявшимся двум я не испытывала таких ярких эмоций, как по отношению к этому, абсолютно равнодушному ко мне красавцу. Такова жизнь... Хорошие мужики на дороге не валяются. Они валяются на кровати...

Удостоверившись в крепости оков, я принялась одеваться, матеря Иалону за нестандартную фигуру. На груди и заднице одежда трещала по швам, в талии пришлось подвязывать ремешком. Бесконечно порадовало наличие двух узких кинжалов и кошелька с золотом:

– Видишь, принцесса Иалона, даже в самом плохом человеке можно найти что-то хорошее, если тщательно его обыскать.

Собрав все необходимое, я уселась дожидаться, когда очнется Кондрад. Без него мне из города не выбраться.

Экспроприировав все обнаруженные простыни и покрывала, я устроилась на спинке кровати. Там, не выпуская из-под присмотра опасного пленника, я скручивала импровизированную веревку, весьма уповая, что она выдержит вес роскошного тела Иалоны. Задача предо мной стояла не из легких – выбраться из города и доставить принцессу на север к мятежникам. Затруднение было в том, что мы не знали, где именно этот север и куда конкретно надлежит держать путь. Я и в школе состояла в напряженных отношениях с географией, а уж в незнакомом мире это превращалось в дикую проблему. Надежды на сотельницу не было никакой. Еще не приступив к побегу, она так и норовила сползти в обморок и самоустраниться от принятия решений.

– Эй, подруга, на местности ориентироваться умеешь?

Принцесса просигнализировала, что до тех пор, пока я не прикрою нашего симпатяшку, она выныривать категорически отказывается, ибо ей не пристало разглядывать обнаженных мужчин. Можно подумать, ее кто-то заставляет это делать. Не хочешь – не смотри, мне так чрезвычайно нравится. Будет хоть о чем вспомнить по возвращении. Требования сотельницы становились все настырнее, и, скользнув взглядом по мускулистому телу, я накинула на него шаль, подавив разочарованный вздох.

– *Так что по поводу знания ландшафта?*

– *Меня такому не учили.*

Блин, а чему полезному тебя учили? Крестиком картинки вышивать или ножки в танце переставлять? Захребетница коронованная! Никакой пользы, кроме вреда.

– *Ты хотя бы представляешь, где твои соратники кучкуются?*

– *Ну, так, в общих чертах...*

И как тут не выругаться? Вся мужская половина моей семьи виртуозно владела «русским устным», а женская не менее виртуозно делала вид, что его не знает, используя крепкие словечки в особо исключительных случаях. Относится ли мой случай к разряду исключительных? А то меня прям распирает от охоты дать соответствующую характеристику всем присутствующим и отсутствующим лицам. Накипело, сейчас через край рванет.

Мое злобное бульканье прервал шум. Гляди-ка, очухался. Устроившись поудобнее, я с громадным интересом наблюдала за разворачивающимся актом театра одного зрителя (принцессу считать не будем – у нее антипатия к главному герою).

Кондрад, не открывая глаз, подергал одной рукой, стремясь переменить позу. Не получилось. Напряг мышцы – опять облом. Затих, соображая. О, процесс пошел – глаза открылись, увеличились. Рывок, и снова мимо. Вновь затих, полежал, собрался с мыслями, приподнял голову, убедился в отсутствии одежды, повернулся направо, налево – удостоверился в наличии оков. Наконец «их отморозенность» соизволили обратить на меня высочайшее внимание:

– Кто ты?

Ой, кажется, с ударом по голове перестаралась. Если у него амнезия, то всем планам – полный и бесповоротный кирдык. Нет, мы так не договаривались! Я нагнулась к нему и принялась втолковывать:

– Я принцесса Иалона, «златокудрая лахуд... сокровище»...

Договорить я не успела, потому что он заржал. Серьезно, именно заржал – заливисто, от души, до слез. Как мужика жизнью скрючило... с моей помощью.

– Эй, але, гараж, в честь чего нам так весело? Поделиться не хочешь? Вместе посмеемся.

Никак не желал успокаиваться – тряпочку, что ли, пойти холодной водой намочить или просто кувшин сверху вылить? Говорят, пощечины классно помогают, но у меня на него уже рука не поднимается, столько пакостей одному человеку я сроду не делала.

– Смешливый ты наш, заткнись, пожалуйста.

Слава богу, угомонился, затих. Кондрад предпринял попытку приподняться повыше, видимо, для лучшего обзора, и потерпел неудачу. Пришлось посодействовать и подпихнуть ему под голову и плечи пару подушек, чувствуя себя неуютно под взглядом внимательных зеленых глаз. Придав узнику позу покомфортней, я возвратилась на «наест» и буркнула:

– Так лучше?

– Немного.

Эй, а где твое «спасибо»? Тебя в детстве никто вежливости не учил?

– Так, повторяю вопрос – ты кто?

Они тут тупыми от природы рождаются или в процессе бытия трансформируются? Если второе, то чем стремительнее я сделаю отсюда ноги, тем целее будет моя психика и сексуальный аппетит.

– А я второй раз отвечаю – принцесса Лайе...

Меня оборвали:

– Это я уже слышал и даже вижу. Меня прежде всего занимает, кто внутри принцессы.

Опаньки, вот это поворот сюжета! Как выкручиваться будем? Сделав ну сильно недоуменные глаза, я проявила заинтересованность:

– Ты о чем?

Кондрад улыбнулся, продемонстрировав ровные белоснежные зубы:

– Я о ком. О тебе.

Не знаете, почему дураки чешут лоб, а умные затылок? А если и то и другое чешется одновременно? Это умный дурак или придурковатый умник?

– С чего ты это взял?

Улыбка стала еще шире и дружелюбнее. Господи! Спаси меня от самой себя! Я не влюбилась, не влюбилась, это всего лишь глупое сексуальное влечение...

– Я понимаю, что в свете последних событий выгляжу не самым лучшим образом, но я неплохой стратег и перед нападением неизменно собираю сведения о противнике. Основываясь на них, абсолютно точно знаю, что мозгов в голове принцессы отродясь не бывало для совершения диверсий такого масштаба.

Внутри протестующе пискнула Иалона:

– *Почему он меня за идиотку держит?*

Я цыкнула:

– *Молчи, дай послушать, вдруг что дельное скажет.*

Мужчина спокойно переждал наши внутренние разборки:

– Вы закончили? Я могу продолжать?

Получив согласный кивок, возобновил свои умозаключения:

– Так вот, поначалу я искал помощников или помощника, но, поразмыслив, этот вариант исключил. Посторонних во дворце не замечали, и даже при наличии потайного хода...

На моей физиономии большими буквами было написано такое изумление, что до меня снизошли и пояснили:

– Я прекрасно осведомлен о потайном ходе. В настоящее время располагаю его планом. Нет лишь паролей доступа. Продолжаю. Даже при наличии потайного хода чужака не спрячешь. К тому же необходимо обладать уровнем знаний и поразительной смекалкой, кои у принцессы практически полностью отсутствуют.

Иалона взвыла сиреной пожарной машины:

– *Нет, ну каков наглец! Какими мерзкими словами он поносит мою честь!*

Как меня это достало, кто бы только знал. Прервав Кондрада, я извинилась:

– Подожди, пожалуйста, мне необходимо срочно уйти в себя и устроить там драку.

После этого замечания «пожарная сирена» замолкла, надулась и повернулась филейной частью. Бог с ней, куда не денется. Переключила внимание обратно:

– Я тебя слушаю.

В ответ смешок и продолжение:

– Исключив посторонних, я пришел к выводу, что помощник внутри принцессы. На первый взгляд это выглядело неправдоподобно, но уж слишком разнилось выражение глаз – то из них выглядывала ласковая корова, то рвалась дикая кошка. На основании всего вышеизложенного я спрашиваю: кто ты?

Пожав плечами, я скромно призналась:

– Илона.

В глазах собеседника мелькнуло удовлетворение:

– Следовательно, я не ошибся. Кто ты, Илона? Богиня? Дочь богов? Волшебница?

Эх, милый... имей я такие связи, мы б тут с тобою не сидели.

– Просто девушка.

В ответ хитрый прищур кошачьих глаз:

– Просто девушка Илона с необычными познаниями и необыкновенными возможностями?

Это для вашего времени они необычные и необыкновенные, а для моего самые что ни на есть примитивные.

– Твоя воля, верить или нет.

Кондрад подергал цепи:

– Развяжешь?

Я отрицательно помотала головой.

– Что ты хочешь?

Приняла вид глубокой задумчивости:

– Крестьянам нужна земля, дворянину – почет, солдату – война, купцу – деньги, а мне всего-навсего пропуск из города.

Взлетевшие в изумлении брови.

– Почему ты думаешь, что я тебе его скажу?

Подперев щеку ладошкой, я задала встречный вопрос:

– Тебе нравится валяться в наручниках?

О, настало время самого интересного – торговли.

– Я могу позвать людей.

Хмыкнула:

– И опозориться. Высший кайф – показаться подчиненным в таком виде. А еще милее легенда – я прямо-таки знаю, она останется в веках! – как непобедимый Кондрад проиграл в постели женщине.

Замолчали оба. Он думал, я ждала.

– А если не скажу, как заставлять будешь?

Тьфу ты, какие мы любознательные.

– Тебе как больше по вкусу – интеллектуально или физически?

У Кондрада сегодня ночь открытий.

– Физически? Что ты можешь со мной сделать? Я не боюсь боли.

Нет, какую я себе все же плохую репутацию создала. Потерять ее, что ли? Это вряд ли – ее обязательно найдут, затопчут и вернут вместе с грязью. Поскольку терять уже нечего и моральный облик ниже пола, пошла ва-банк:

– Как ты смотришь на изнасилование?

Он утратил дар речи на пару минут и опять-таки заржал:

– Ты? Меня? Это невозможно!

Ой ли. Отсталые вы феодалы. До порнофильмов еще не доросли. Там такие способы демонстрируют – закачаешься. Братишки DVD втихую крутили, думали, сплю, так что пособие я изучила хорошо. С практикой намного хуже... Не выйдет из меня крутой соблазнительницы, но поиграться в нее можно.

– А что, проблемы? Импотенция? Простата?

Во, так и знала – на мужчину слово «импотенция» действует похлеще валерьянки на кота. Сейчас кинется доказывать обратное. Созрел клиент – ноздри раздуваются, глаза горят.

– У меня все в порядке! – сказал, как отчеканил.

– Отрадно слышать, поздравляю. Тогда что? Скрытые недуги? СПИД, сифилис, гонорея? Какими предохраняющими средствами пользуешься? С какой степенью надежности?

В этот момент вылезла принцесса, заинтересовавшись темой:

– *А что это? Эти все жутко звучащие названия от семейной жизни?*

Эх, темнота...

– *Нет, дорогая, от распущенной половой.*

– *На полу?*

– *При чем здесь пол?*

– *Ты же сама сказала – «на сломанном полу».*

Так и рождаются слухи и легенды.

– *Драгоценная моя, будешь заводить случайные, беспорядочные связи с мужчинами, то кроме детей огребешь весь набор болезней. И мужа тоже блюди, чтоб на сторону не смотрел. Понятно?*

Принцесса сообщила, мол, понятно и удалилась обдумывать будущую замужнюю жизнь.

Только я собралась вернуться к наболевшему вопросу о пропуске, как принцесса вынырнула вновь:

– *А как определить, есть эти болезни или нет?*

Взяв себя в руки, ответила:

– *У тебя их нет, успокойся!*

Эта липучка не отвязалась:

– *А все-таки на будущее?*

Что-то как-то мне злобно.

– *Я не женский врач, симптомы тебе рассказывать; подцепишь – поймешь!*

– *Да? Правда?*

Уже страшно хотелось рычать и кусаться.

– *Да! Правда! Честно! Слово даю! Зуб золотой!*

Язык мой – враг мой.

– *Какой зуб? Почему золотой?*

Ну скажите мне, есть ли способ взять за горло нематериальную субстанцию и потрясти с благородным намерением заткнуть?

– *Иалона, если я немедленно не договорюсь с Кондрадом, ты все это прочувствуешь на своей шкурке и гораздо раньше, чем планируешь! Клянусь, век воли не видать!*

С разочарованным вздохом принцесса ушла на дно, оттуда буркнув:

– *Хорошо, но мы еще обсудим эти вопросы.*

– *Всенепрременно!* – пообещала я ей и вернулась к явно веселящемуся мужчине.

– Как успехи? – тут же полюбопытствовал он, увидев мой осмысленный взгляд в его сторону.

– Ты о чем?

– О переговорах со второй половиной, – подмигнул он.

Хохмач нашелся, местный шоумен на мою голову.

– Желаете меня заменить? – поинтересовалась ехидно.

Кондрад в шутливом ужасе закатил глаза:

– Ни за что! Пусть боги хранят меня!

В ушах заложило от визга сотельницы:

– *Хам и быдло!*

Крыша ушла в бредущий полет, и я помахала ей вослед белым платочком. Опомнившись, сменила белый на черный с черепом и скрещенными костями и прорычала:

– Всем! Молчать! Слушать! Бояться! Ты, – ткнула пальцем себя в грудь, – накрылась веником и не отсвечиваешь! Ты! – Палец развернулся в сторону кровати. – Еще одно слово, и состав твоих зубов тронется в обратном направлении!

Визг начал удаляться и затих где-то внизу, сменившись бормотанием и всхлипами. Вот она какая, шизофрения... На мужчину мой рык не сильно подействовал, он молчал, но на губах играла крайне злобная ухмылка. Сейчас забуду, что он мне нравится, и дам в лобешник от души, чтоб от сердца отлегло! Потерев виски и сосредоточившись, возобновила тему:

– Так что насчет пропуска?

Комическое выражение ужаса на красивом лице.

– Госпожа разрешает мне слово молвить?

Острик-самоучка! Подыграла:

– Дозволяю! Но по делу. Я жду ответа.

Он разглядывал меня с видом патологоанатома. Вспомните любой зарубежный детектив, как эти маньяки от профессии вождельно смотрят на объект, зажав в зубах скальпель и уцепившись за пилу для лоботомии. В данный момент под его взглядом я ощущала себя именно таким препарированным объектом. Налюбовавшись, мужчина выдал вердикт:

– Сказать могу, только зачем? Ты до внешних ворот даже не доберешься. По всему периметру стены стоят патрули, охрана караулит около каждого внешнего выхода из потайного хода. Как ты бежать собираешься?

– По внешнему периметру или внутреннему? – маленькое жизненно важное уточнение.

В его взгляде скальпель сменился лазером.

– Зачем тебе знать?

Блин, у меня только пара часов в запасе перед рассветом, а мы все на одном месте топчемся.

– Для общей эрудиции. Впрочем, я тебе и сама скажу: по внутреннему. За ворота из-за жуткой вони никто не сунется. Ведь так? Я права?

– Допустим, так. Каков твой план побега?

Ага, прям я тебе все и доложила.

– За меня не переживай – я найду, чем удивить. Ты попросту изреки требуемое, и попросаемся. Или тебе все-таки нейдет испытать незабываемые ощущения сексуального домогательства? Уверяю тебя, фантазия у меня буйная и далеко продвинутая, как ты уже мог догадаться, так что дело твое...

– Дорсет, – Кондрад прервал мой пламенный монолог.

– Ну и чудненько. – Я слезла с «насеста» и уже направилась к окну.

Но меня остановили следующей фразой:

– Тебе это ничего не даст, без бумаги с моей подписью слово не сработает.

Вот же гад, информацию в час по чайной ложке выдает:

– Спасибо за предупреждение. Что хочешь за подпись?

Ну сколько можно на меня пялиться? Терпение – это такая штука, которая всегда в дефиците, и я к этому кризисному моменту все ближе и ближе.

В комнате повисла затянувшаяся тишина, во время которой мы втроем усиленно мучили мозги, по разным поводам, разумеется. Я искала возможность добиться вожденной бумажки, Иалона сопела в две дырки, изыскивая способы отмщения, а Кондрад, очевидно, просчитывал варианты – у него в голове статистический калькулятор щелкал и в глазах мелькали циферки. Время неумолимо пинало меня в пятую точку, и, грозно сдвинув брови, я осведомилась:

– Твое решение?

Снизу зашлась в хохоте принцесса; она сообщила мне, икая:

– *Сейчас он выберет кандалы и рабский ошейник, благо половина экипировки уже на нем.*

Я тоже хихикнула, слишком уж мой вопрос напоминал брачные притязания нашего Властелина железных колец. В зеленых глазах неонем замигал знак вопроса, и, с трудом приняв солидный вид, поделилась:

– Внутренняя конфронтация. Подпись будет?

На полном серьезе он взялся учить меня жизни:

– Ты совершаешь большую ошибку...

– На ошибках учатся...

– А после ошибок лечатся! – закончил за меня герой не моего романа.

– Я пропиталась народной мудростью до самого низа, вернемся к глупостям. Ты дашь бумажку, или будем по-плохому... – Если б он только знал, сколько всего можно совершенно случайно и совсем не желая того найти в недрах Всемирной паутины, он бы меня уже два часа боялся.

– Думаю, ровно через час после побега ты вернешься сюда в мое полное распоряжение, поэтому не вижу препятствий сделать даме услугу за маленькое, но приятное вознаграждение.

Надеяться никому не вредно. Поверь, мой сладкий, я вывернусь наизнанку, но тебе постараюсь не попасться. Впрочем, свое мнение придержу-ка я покуда при себе.

– И какое это «маленькое» условие? – подозрительно сощурившись, полюбопытствовала.

Меня наградили невинным взглядом белого агнца. А я, овца, так и поверила... волку в овечьей шкуре.

– Всего-навсего твой поцелуй.

Уговорил, шалун. Я согласная! Только вот кроме меня тут обретается еще одна личность со слабым желудком.

– Принцесса сообщает, что ее может стошнить, – перевела рвотные позывы Иалоны на понятный язык.

– При чем здесь принцесса? Я говорю о твоём поцелуе, Илона, – нахально заявил невозможный, невоспитанный, но такой очаровательный тип.

Выпятив нижнюю губу в задумчивости и набивая себе цену, я выдвинула встречное условие:

- После того, как подпишешь пропуск.
- Согласен, – довольный волчий оскал.
- У, змей-искуситель.
- *Иалона, мигом вылезла и рванула строчить этот чертов пропуск.*

Слава богу, дело сдвинулось с мертвой точки, авось успею к часу X. По своим личным наблюдениям и рассказам папы-военного я знала, что за пару часов до рассвета внимание караульных сильно падает, к тому же полумрак и неожиданность. Существовала и дополнительная причина – мне не улыбалось болтаться по городу дольше, чем необходимо, но без одежды и транспортного средства снаружи делать было нечего.

Сотельница усердно скрипела пером по бумаге, выводя местные иероглифы, а я, изнывая в ожидании, старалась выбросить из мыслей красавчика. Пути Господни неисповедимы, но искренне уповала не свидеться больше. Ну и зачем врать? Хочу я увидеться. Правда. Но и домой хочу тоже. Взвесив два хотения, убеждаюсь, что дом с отрывом победил: два – один. Вот и славно.

- *Иалона, ты что, доклад сочиняешь?*
- *Да нет, стараюсь предусмотреть все сюрпризы.*
- *Умница, хоть какая-то польза от монаршего образования отыскалась.*

Дождавшись, когда принцесса поставит последнюю точку, я потеснила ее высочество, схватила лист, помахав им для быстрой сушки чернил, и пошла к пленнику, прихватив допотопное приспособление для письма, именуемое гусиным пером. На подступах меня проинформировали:

– Прежде чем поставлю подпись, я хочу знать, что именно подписываю. Подержи лист, пока я не прочитаю.

Делать нечего, пришлось поработать пюпитром. Да в курсе я, что это подставка для нот, но слово уж больно звучное и красивое. По мере прочтения выражение лица Кондрада менялось от спокойного до крайне удивленного. Наконец, подняв на меня глаза, он спросил:

– Скажи, а пункт одиннадцать «вспомоществование в изъятии крупного домашнего скота» ты серьезно предполагаешь использовать?

Удружила ты мне, принцесса, нечего сказать. Я состроила невозмутимую физиономию:

– А то! Я, может, себе нормальной житухи не мыслю, пока всех окрестных козлов и баранов не экспроприрую. И не надо предлагать мне помощь психиатра, всяк по-своему с ума сходит. У тебя свой экстрим, у меня свой. Подписывай, я выполню условие и разбежимся. Харэ ржать! Возьми себя в руки!

– Я не могу, они у меня прикованы, – выдавил Кондрад на полувсхлипе. – Ты все так замечательно объяснила, что я даже не буду интересоваться, на кой ляд тебе нужны «средства передвижения о четырех ногах или колесах, шелковое постельное белье и золотые столовые приборы».

Заставь дурака Богу молиться, весь лоб расшибет.

– А чтоб было! Для пущей важности!

– В этом случае я попросту обязан удовлетворить просьбу дамы. Давай перо.

Я вложила в его пальцы требуемый предмет и поддержала бумагу, пока он ставил росчерк.

– Спасибо, премного благодарна! – раскланялась вежливая беглянка, запихивая

вожделенный пропуск в надежный «тайник». Благо места там хватало. Подоспело время выполнения моей стороны договора. Все бы ничего, неудобство заключалось в его позе. Вариантов было два: или усесться на мужчину верхом, что меня не устраивало в силу двусмысленности положения, или устроиться рядом. Из двух зол выбирают меньшее. Я залезла на кровать, зажала между ладошками его лицо и наклонилась к губам. Планируемый мной легкий поцелуй перерос в затяжной и глубокий. Раньше доводилось слышать про «сладкий поцелуй», но мне тогда было смешно до колик. Это же не конфета или пирожное; приятно, не более того.

Моя ошибка. Сейчас я чувствовала сладость и, только собрав силу воли в кулак, смогла принудить себя оторваться от его губ. Почему все, что есть хорошего в жизни, либо незаконно, либо аморально, либо ведет к ожирению? Сфокусировавшись и проморгавшись, я увидела самодовольную усмешку, от которой меня словно ледяным душем окатило. Суперотрезвляющее средство!

Не говоря ни слова, я спрыгнула с постели и принялась закреплять скрученную из простыней веревку к одному из четырех столбов по углам ложа, предназначенных для поддержки балдахина. Зафиксировав ее специальным узлом «булинь» и укрепив «контролкой», я подергала и повисела, проверяя на прочность. Результат меня удовлетворил, можно отправляться в путь. Все это время Кондрад с любопытством наблюдал за моими манипуляциями, и только когда я направилась к окну, захватив с собой собранную сумку, до него дошло, как именно я намереваюсь слинять. Он рванулся и заорал:

– Ненормальная, ты что творишь? Убиться надумала? Не дури!

Ах да, чуть не забыла! Я вернулась обратно и уставилась на мужчину, соображая, как половчее повернуть задуманное. Бог с ними, с китайскими церемониями:

– Извини, дорогой, придется завязать тебе рот. Мне необходима фора.

– Я все равно тебя найду и сдержу свое слово! – выпалил обманутый в своих расчетах Властелин, грозно сверкая глазами.

Это вряд ли, драгоценный. По крайней мере, я приложу все силы, чтобы никогда не пересечься с тобою. Не обращая ни малейшего внимания на его вопли, я все же умудрилась соорудить кляп и под бешеное мычание, прорывавшееся сквозь ткань, таки добралась до окна. Открыв створки, я чуть не задохнулась от запаха, пришлось соорудить из шали подобие арабского головного убора «шемаг», способного хотя бы на время защитить нос от вони.

– *Иалона, вызывай зверюшек.*

Принцесса просвистела призыв, и над крепостной стеной возникла голова змея. Животное заприметило обожаемую хозяйку, ринулось к ней и зависло внизу. Все. Пора. Скинув вниз «веревку», бросила взгляд на беснующегося Кондрада и начала спуск. Сложностей никаких – высота не бог весть какая, да и я страховалась кинжалом, втыкая его между камнями, так что вскоре мы достигли зверюшки. Уцепившись за толстую шею, пропустила вперед Иалону, способную управлять змеем. Здесь в последний раз мысленно простилась с человеком, вызвавшим во мне бурю чувств. Было немного грустно.

Через несколько минут мы очутились на противоположной стороне крепостного рва. Путь на свободу был открыт и, попрощавшись с помощником, мы шагнули в неизвестность.

А-а-а! Если вам когда-нибудь предложат сопровождать особу королевских кровей, то никогда, ни за что не соглашайтесь. Себе дороже!

Начальная стадия нашего побега удалась. Мы удалялись от дворцовой цитадели на приличной скорости. В запасе имелось не так уж много времени, а надлежало сделать

великое множество дел. Кондрада найдут самое позднее к полудню, и к данному часу нам необходимо оказаться за пределами городских стен.

Найдя закоулок потемнее, я распотрошила вещевой мешок, извлекая оттуда коричневое простое платье, обнаруженное в гардеробной принцессы и принадлежавшее ее беглой служанке. Под горестные стенания Иалоны о недопустимости подобного туалета на ее царственной особе я переделалась, с грехом пополам зачихав бюст в уготовленное ему место, и натянула чепчик, вызвав еще более бурные протесты.

Естественно! Лучше, чтоб на нас каждая собака пальцем показывала? Типа вон по той дорожке принцесса пошла, бегите за ними, бегите, еще догоните! Какого рожна мы тогда сбежали? В догонялки поиграть для пущего нагула аппетита перед сексом? «Я, дорогой, прогуляюсь ненадолго, а если ты меня не найдешь, то буду...» – И указать точное направление. Класс!

Нет уж, в обыденно-затрапезном виде у нас гораздо меньше шансов оказаться узnanными. Я смешалась с толпой горожан, спешащих в одном направлении, рассчитывая, что все они утречком следуют на рынок, потому как моя «принцесса» понятия не имела «что, где и почему».

Кошмар! Управленка без понятия о торговле и элементарных знаний о собственной державе сядет на трон – бедная, несчастная страна! Слава богу, я не ошиблась и в итоге прибыла на торговую площадь. Так-с, приступаем к обмундированию и обеспечению провизией. В лавке, продающей готовую одежду, я с огромным трудом подобрала подходящие по размеру штаны, рубашку, шапку и теплую куртку, не обращая ни малейшего внимания на бесконечное зудение сотельницы. Дай ей волю, она бы улепетывала в кринолине и на каблучицах. Прикиньте, кросс по пересеченной местности в затянутом корсете, в пышных юбках, задранных выше некуда, и на ходулях, ошибочно названных модными туфлями. И как далеко, интересно, она бы в таком виде убежала? Потрясающая беспечность и безалаберность. В этой же торговой точке я купила тонкое теплое одеяло и плащ на меху, выдержав настоящее сражение.

– Зачем нам потребны эти убогие тряпки?

Я хмыкнула, скрывая усмешку, чтоб не приняли за городскую сумасшедшую, разговаривающую с самой собой:

– Ночевать ты как намереваешься? На голой земле или стоя? Меня, например, ни то ни другое не устраивает.

После заданного вопроса я в который раз убедилась в низких способностях к мыслительной деятельности у некоторых отдельно взятых блондинок голубых кровей. Для себя пришла к печальному выводу: они отнюдь не гарантируют наличия разума в наследнице.

– Зачем? Есть же трактиры!

Пришлось терпеливо объяснять:

– Ага, а мужчина у нас настолько тупой и безмозглый, что никак не сообразит, в каком направлении мы отчалили, и не вышлет вперед людей для оккупации гостиницы, куда магнитом тянет одну небезызвестную даму. Разреши не тыкать в тебя пальцем. Если ты полагаешь, что Кондрад после всех нанесенных оскорблений помашет тебе ручкой на дорожку, пожелает счастливого пути, благословит и оставит в покое, то ты еще наивнее, чем я думала. Ты хоть понимаешь, в каком виде его найдут и как он будет нам «благодарен» и «счастлив»?

Принцесса удалилась обдумывать услышанное, чтобы я могла заняться насущными делами. Я быстро переоделась, оплатила покупки и, поинтересовавшись у владельца лавки, седого подслеповатого старичка, в какой стороне расположены продуктовые ряды, отправилась за продовольствием. Пробежавшись между прилавками бодрой рысцей, затарилась крупой, полосками вяленого мяса, солью, огнивом, котелком, ножом, ложкой и кружкой. Иалоне и здесь потребовалось вставить свои «пять копеек»:

– Фи, для чего ты набрала всю эту гадость? Я это должна есть? Я не желаю!

До самых костей мозга проела, зараза!

– Можешь и не есть. Блюда фигуру, аристократам вроде положено. А я молодой растущий организм, мне необходимо питание, причем не мешало бы регулярное и трехразовое. Напоминаю для склеротиков: мы будем обходить населенные пункты за версту и пробираться тайком на твой север по безлюдной местности. Там круассаны на деревьях не растут. Андерстанд?

– Че-его?

– Доперло, спрашиваю?

О, мы вновь впали в печаль, прикрывшись обидой и закутавшись в оскорбленное достоинство. Славненько, хоть подумать в тишине смогу.

Выбравшись из продуктового сектора, я бодро потопала к лошадам. Это была самая сложная часть плана. О конях я знала только то, что шкура обязана блестеть, копыта должны быть подкованными, а зубы несъеденными. Тут запас моих знаний заканчивался, и ничего более путного из памяти я не выудила, как ни старалась. Оглядев предлагаемых к продаже животных и приуныв, вызвала ее высочество:

– Иалона, ну хотя бы в лошадях ты разбираешься?

– А как же! – Самодовольная сотельница выползла на свет божий и пригляделась к товару. Как вы полагаете, куда потянулись ее загребущие ручки? Правильно, к чистопородным рысакам. И на кой черт мне конь стоимостью в годовой бюджет государства с тонкими ножками? Мы парад принимать собираемся или безопасно удирать по пересеченной местности? Аристократы ни фи́га в жизни не смыслят. По ее представлениям, она обязана пускаться в побег приодетая, намакияженная и наманикюренная, чтобы впечатление произвести, если поймают. Эти ненормальные аристократы бегут со штатом прислуги, включающим в себя повара, и в карете, запряженной шестеркой тонконогих рысаков. Наплевать, что захватят враги, зато по этикету. Ей-богу, слово «этикет» порождает у меня зубовой скрежет. Вернусь домой, прибью любого, кто только дерзнет при мне «этикет» вякнуть. Успокоилась! Вдох – выдох, жизнь прекрасна, рефлексy условны, истина относительна, вдох – выдох...

Вперед, нас ждут великие дела, а позади разъяренный Властелин. Это так, между прочим, для стимула. И, возвращаясь в реальность, опять-таки о себе любимой:

В Лайе есть девчонка крутая,

В принцессином теле живет,

Коня на скаку остановит,

И по лбу без спроса дает!

Пошли уж, стиховычитатель, кого выберем, на том и поедем.

Я прогулялась вдоль ограждения с лошадьми и положила глаз на крепенькую коняшку мышиной масти, обладательницу мощных ног, спокойно стоявшую в сторонке. Отыскав хозяина и выспросив о характере, привычках и поведении объекта, заплатила требуемую цену и стала счастливой обладательницей кобылки с кличкой Улетная. Кто ж так обласкал бедное животное? Внимательно проследив и запомнив, в каком порядке седлали лошадку, я начала пробираться к выходу, ведя приобретение в поводу и нагрузив на нее поклажу.

– *Зачем ты купила эту замухрышку? На ней только селян возить.*

Смотри-ка, обиженная наша очухалась.

– *Чем тебе не по вкусу милое животное? Лишь попробуй разродиться тирадой об этикете и престиже, я сей же миг сдамся Кондраду!*

А в ответ тишина... Красота! Уже на выходе с рынка послышался характерный металлический лязг. Там звенело взаправдашнее оружие, и я не смогла удержаться от соблазна.

В маленькой лавке было представлено холодное оружие всех видов: от метательных кругов-чакр и кинжалов до двуручников с кольчугами, но меня притянул кончар. Длинный, узкий четырехгранный меч удобно лег в мою руку, прикрыв гардой почти всю кисть. На свете существует множество предметов, от обладания которыми я смогла бы отказаться, но только не этот стальной красавец. Он стал моим, как только я взяла его в руку, напоминая о привычной земной шпаге. Мне пришлось еще немного промешкать для подбора ножен и перевязи. Теперь я была полностью готова, следовало убираться из города.

Дойдя до тихой безлюдной улочки и взгромоздившись верхом на кобылку, мы втроем бодро потрусили к городским воротам, месторасположение коих я выспросила, пока торговалась. На удивление, стражи весьма спокойно реагировали на пароль и подорожную бумагу, так что все прошло довольно гладко. Примерно через полчаса, отстояв в городских воротах длинную очередь среди возов и телег, наша колоритная тройца рысила прочь от городских стен.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Песня «Несчастливая девчонка». Автор стихов А. Дулов.

Цитата из мультфильма «Остров сокровищ».

«Песенка про жадность» из мультфильма «Остров сокровищ». Музыка В. Быстрыкова, авторы стихов Н. Олев, А. Балагин.

Песня «Два монастыря», автор стихов Б. Ларин.

Стихотворение «Признания труженика», автор Н. А. Некрасов.

«Про Федота-стрельца». Автор Л. Филатов.

Цитата из мультфильма «Тайна третьей планеты».

Сказка «Мойдодыр» К. Чуковского.

Песня «Заведи» певицы МакСим.

Романс «Гори, гори, моя звезда!». Автор стихов В. Чуевский.

Песня из оперетты «Фиалка Монмартра».

«Песня врача «скорой помощи». Автор А. Розенбаум.

«Песенка про Одиссея». Стихи Л. Дербенева, музыка А. Зацепина.